

Вячеслав
Евдокимов

Зайнька,
или Мужчины
не плачут

Вячеслав Евдокимов
Заинька, или Мужчины
не плачут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715048

ISBN 9785448537318

Аннотация

...Но гражданином быть обязан. ...И жалок гражданин безгласный! Н. А. Некрасов, «Поэт и гражданин» Это вторая книга автора, в ней затронуты тоже разные темы – от лирических до басен и сказок, от описания красот природы до детских и фантастики, героических, патриотических сюжетов и гражданской направленности, для разных интересов и возрастов. Читайте. Вникайте. Делайте выводы.

Содержание

Заинька,	5
Домна	51
Оптя и Неверка	103
Дева	133
Души	181
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Зайнька, или Мужчины не плачут

Вячеслав Евдокимов

© Вячеслав Евдокимов, 2017

ISBN 978-5-4485-3731-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зайка, или Мужчины не плачут!

Ура! Ура! На Новый Год
В деревню едем мы. Вперёд!
«А ну-ка, в путь пора! – сказал
Нам папа. – Аэровокзал
Нас ждёт в конкретно точный час»
И вот, как ветром, сдуло нас!
В нём регистрацию прошли
Мы за минуточки лишь три,
И сдали весь, ну, весь багаж:
До встречи, миленький ты наш!
Но я игрушку – самолёт —
Не сдал, ведь я его пилот,
Им управлять мне по плечу,
С ним высоко я полечу!
Потом услышали мы весть:
Идти к автобусу и сесть,
Места удобные занять,
Что сделал тут же я на «пять»,
И нос уткнул уже в окно:
Здесь удовольствие одно!
И вот мы мчим в аэропорт!
А взгляды, взгляды – как эскорт,
И все – на храброго, меня!

Но я сижу, их не кляня,
Ведь должен быть среди всех храбрец,
Заядлый всех полётов спец!
Невольно вверх взлетел мой нос:
Конечно, смел, что за вопрос!
Аэропорт тут встретил нас.
Один, другой заёрзал глаз:
Так самолётов много здесь!
Впал в восхищенье сразу весь!
Тут подвезли нас к одному,
А посему, а посему
Вмиг место тут же я опять
Вновь у окна успел занять.
Не как у всех квартир оно:
Как круг, отверстие одно,
Хотел просунуть палец чрез,
Но, к сожаленью, не пролез...
Потом нас мимо шёл пилот:
«Ну, космонавт, готов в полёт?»
Сказал, похлопав по плечу...
«Да!, – чуть не вскрикнул, – полечу!»
Но званья этого ведь нет
Из-за моих меньших-то лет
Ведь у меня, и покраснел,
Как помидор краснющий, спел...
И прав, конечно, был я тут,
Ведь плохо, коль бесчестно лгут!
Я бы, конечно, в космос рад!
Да вот хожу лишь в детский сад...

Попал в смущенья тяжкий плен...
Нашёл спасенье у колен
Я мамы, ткнувшись быстро в них,
И затаился, и притих...
Она же нежною рукой
Мне, как всегда, несла покой...
Она в любви своей права.
И лишь тогда, когда слова
«Всем пристегнуть ремни!» – воспрял
И, хоть не взрослый я, а мал,
Их с папой крепко пристегнул,
Хвалы салона слыша гул...
Кто сделал это, уж конфет
Несла всем тётя и привет.
«Смотри-ка, тётя, у меня
Нет без запора уж ремня!
А потому, как неба гость,
Я тож хочу конфеток горсть!»
И вмиг исполнился запрос:
Их нам горой принёс поднос!
Снаружи – свист и рёв, и дрожь...
Да будь нам всем, полёт, хорош!
И самолёт по полосе
Помчался быстро! Сразу все
Вдавились в кресла и – молчок!
А лайнер в небо уж рывок
Свой сделал, мощно лезя ввысь!..
«Смотри-ка, мамка, подивись,
Как всё внизу-то там малò!»

Вдруг за окном белым-бело...

«Вошли, – нам папа, – в облака».

И вмиг тревога глубока:

А как нам в них найти свой путь,

С него бы косо не свернуть?

Ответ же папы был нам скор:

«Есть у пилотов там прибор,

Он им всё кажется, что и где,

С пути не сбиться чтоб нигде».

Рука мамулечки крепка,

Держала всё мою, сынка,

Боялась, что не там сойду

Я у салона на виду...

Не оценила ум-то мой.

Сидел спокойно: рейс прямой!

Ну, раз приятно, держит пусть,

Вот и её исчезнет грусть!

Должны же дети иногда

Дарить счастливые года

Своим родителям всерьёз,

Освободить чтоб их от слёз!

Что есть внизу, – кричал я вслух.

Но вдруг захватит как мне дух!

Пошёл полёт теперь уж вниз...

Ай, молодец! Спасибо! Бис!

Ах, скоро к бабушке явлюсь,

Скажу, в полёте был не трус,

И храбро с ним пойду я в лес,

Не побоюсь, хоть будь там бес!

«Почти у цели мы, пострел, —
Сказал мне папа, коли сел
На землю нежно самолёт. —
Теперь автобус повезёт,
А это, нет, ещё не близь...»
И мы в автобусе тряслись...
Такая вот зимой езда,
Ведь на дорогах кочки льда...
А я смотрел, смотрел вокруг
И... незаметно в сон впал вдруг.
Уж сколько спал, не знать вовек,
Но сон внезапно мой померк,
Когда мой папа парой рук
Меня наружу вынес вдруг...
Автобус фыркнул снова вдаль,
И с наших лиц снялась печаль:
К нам шёл огромный человек,
Пред ним бы рыцарь всяк померк!
Да, это деда Михаил,
Ах, до чего ж он нам всем мил
С улыбкой глаз, усов и губ!
Большие валенки, тулуп...
Всю грудь закрыла борода,
Росла, знать, многие года...
Всех обнял нас он, как медведь,
Поцеловал – приятно ведь!
Из нас никто тож не отстал,
И нашей радости взмыл вал!
Он пригласил нас в сани сесть,

При них живая лошадь есть,
Была большая, как гора,
Не та, что гонит детвора,
Когда в повозке их везёт,
Труся неспешненько вперёд...
И пони – имя ей, вот смех!
Врагов порубишь ли с ней всех?
А с этой ринешь смело в бой,
Так хороша она собой!
Мы на солому сели враз,
А покрывало – сверху нас,
И поскользили на санях,
И дух захватывало... Ах!
Был мощным лошади вдаль шаг.
Тут возгорюсь желаньем как:
Вот ею мне бы порулить!
И тут заметил эту прыть
Дедуля, дал вожжей конец:
«А ну, извозчик-молодец,
Давай, лошадкой правь, внучок...»
А сам кнутом – опять щелчок!
Вот так рулили заодно,
И было это заводно!
И покрывало поправлять
Лишь успевала мамка-мать
Да шупать мой частенько нос:
На месте ль был? – её вопрос.
«Не бойся! Нос мой не отстал,
Не вырос больше, стал не мал,

Я продолжаю им дышать...
Он тела важная ведь кладь!
И проверять не надо так,
Ведь я беречь всё, знай, мастак!»
А лошадь мчалась всё быстрее,
Лишь пар струился из ноздрей!
«А вы чего там, молодёжь,
В санях устроили галдёж?» —
Спросил дедуля, головы
Не повернув. – Замёрзли вы?
Езды немного, почитай,
Тепло вам будет, с мёдом чай...»
«Да сделал Славик грозный вид,
И отчитать тех норовит,
Кто вывел в поле трактора,
Сейчас не тёплая пора,
Чтоб ими в поле тарахтеть,
Мол, смехота же это ведь!
Аль перепутали сезон?
Гнать с поля палкою их вон!»
Дедуля поле оглядел...
«Нет, трактора сейчас у дел:
Хлебов чтоб были не малы
Здесь урожаи, вверх валы
И грудят снега вдаль подряд...
Зря, внук, ругаешь ты ребят:
Сейчас их важен в поле труд,
Ведь влаги много будет тут.
Взойдёт пшеница или рожь,

С ней урожай грядёт хорош!»
Хоть я к всем ябедам не мил,
Но маму-ябеду простил...
А деда Миша молодец,
И защищать он Правду спец.
Уж с уваженьем я глядел
На тех, у добрых кто был дел,
С саней тож сбрасывать стал снег
На поле... Слава, Человек!
Всему даёшь ты жизнь трудом,
Так пусть добром живёт твой дом!
Так, по дорогам, лихо мчась,
Прошёл ещё, наверно, час,
И вот деревня – наша цель!
И видно всем нам уж отсель,
Как баба Надя на крыльце,
С улыбкой светлой на лице,
Встречать тепло уж вышла нас,
Слепя восторгом дивных глаз!
Вид, как матрёшки: разодет!
Вот ей и холода мук нет.
Опять объятья – душ порыв!
И поцелуев сверхнаплыв...
У мамы с бабушкой чуть-чуть
В глазах от слёз возникла муть...
Но нам, мужчинам, нипочём,
Мы слёз напрасно ввек не льём.
Я не хотел, но – караул! —
Всё ж за компанию всплакнул...

Все успокоили мой пыл,
И за столом я тотчас был.
Ах, и чего на нём здесь нет!
Варений вкусенький привет,
И восседал, как важный туз,
Солёный чудненький арбуз!
Мочёных яблок, аж гора:
Мол, съесть нас, милые, пора,
Грибов солёных, огурцов...
Распустишь слюнки, нету слов!
И помидоров, чеснока —
К ним тяга рук, рта высока!
Плыл от картошки дивный пар...
«Эй, аппетит, вступай в удар!»
И одурманивали щи:
«Побольше ложку лишь ищи!»
От хлеба запах-аромат:
«Из печки только, всем вам рад!»
Был дивный, кисленький квасок...
А на столе стоял высок,
Рост живота пустив в удар,
Огромный, блёсткий самовар:
«Прошу вас, гости, на чай,
Заварка – травы всё мои!»
Ах, мне понравились из ржи
Лепёшки разные: «Держи
Нас крепче, мальчик, сунь-ка в рот,
Ведь в каждом-каждом – пчёлка мёд!»
И с пенкой вкусной молоко...

Как всё люблю я глубоко!
Мясного много и яиц...
Вот пир, влюблённых в это, лиц!
И тут узрел я на стене:
Ружьё висело на ремне...
И уж хотел к нему бежать!
Да вдруг дедуля крепко – хватъ! —
«Постой, внучок, не подходи!
Стрельба, быть может, впереди...»
«Но ты, судьба, то отведи,
Коль есть добро в твоей груди!»
«Да, – тут добавила бабуль, —
Смертей не надо всем и пуль...»
«А что без ёлки Новый Год?
А ну, айда за мной, народ!
А снарядим-ка мы вон ту,
Её не тронув красоту».
«Она ж, – воскликнул я, – как в дом
Войдёт? Упрётся в крышу лбом!»
«А ей не надо к нам идти.
Не будет в дом ей ввек пути».
И мы все с криками «Ура!»,
Как будто дети-детвора,
Так сотворили ей наряд,
Что каждый был тому сверхрад
Тут вспомнил участь ёлок тех,
Что после праздных всех утех
Бросались в мусорку, как хлам...
Не стыдно ведь при этом нам!

За радость это наша дань.
Эй, Совесть, вспенься и восстань!
И тут же крепко я решил,
Что, если кто душе мне мил,
Того вовек не подведу
И не толкну его в беду!
И мы водили хоровод
Все, то назад, а то вперёд...
И были песни и смешки,
Пуляли радостно снежки!
И Дед-Морозом нашим был
Деданька, славный Михаил,
Да с натуральной бородой.
А где ж Снегурочка? Постой!
Да вот, красавица, она!
В неё душа как влюблена!
То баба Надя впала в пляс,
Зовя примкнуть к ней тоже нас!
И мы пустились, нам хвала!
Толкались: куча не мала!
За ворот сыпали снежок...
Ах, Новый Год! Ты наш дружок.
Вошли глубокой ночью в дом...
«А не желаешь ль, внучек, сном
Объяться, с нами тоже лечь
На чудо-спаленку, мил-печь?
Но только ты нам обещаешь,
Что, как Емеля, – Ай-ай-ай! —
На ней не пустишься вон вскачь

Ты из избы, а мы здесь плачь
Без милой печеньки-души,
С ней все сезоны хороши!»
Я слово внуческое дал,
И не задуть души запал,
Что печь не трону и ногтём,
Ведь ввек заботиться о нём
И милой бабушке-душе
Всю жизнь—то должен я уже.
Довольный, дедушка помог,
Чтоб на неё я взлезть бы смог.
Подали бабе пару рук...
Меж них и лёг я, славный внук.
«Какое ж чудо, эта печь:
Она варить умеет, печь,
Тепло даёт в трескуч мороз,
А спать захочешь – не вопрос! —
Вмиг предоставит и постель.
Я не хочу слезать отсель!»
Тут к нам пробрался важный кот,
Как песнь-мурлычку запоёт!..
И я погладил по спине...
Ой! То не кажется ли мне?
Вдруг искр огня полился сноп!
Ой! Не поджечь избу б нам чтоб...
Но пальцы тот огонь не жёг.
А! не опасный огонёк.
И я всё гладил... Кот мурчал —
Так ласки люб ему причал!..

И вывод мой был точен, прав,
И... вмиг уснул, троих обняв...
И наступил уж новый день,
И всем с горы уже не лень
На санках мчаться и ногах
С задором радостным в глазах!
Я санки в гору сам ввозил.
Ах, спуск потом был страшно мил!
Слепили мы Снеговика,
Держала ветвь его рука,
А вместо носа был сучок...
«Замёрзнет ведь, давай, внучок,
Наденем шапку из ведра,
Шнурок приладим у бедра,
Пальтишко туже застегнём,
Ведь есть семь пуговиц на нём.
Негоже быть ему без глаз:
Вот два репья: смотри на нас!
Из палки сделаем и рот,
Пусть, что желает, пожует...»
Такой красавец, хоть куда!
Таким запомнится года.
Потом, аж два денька подряд,
С горы спускался, очень рад,
Я уж на лыжах, на своих,
Хоть падать был я так же лих!
А были лыжи не просты:
В снегах глубоких – как мосты,
Идёшь, не вязнешь до колен,

Сугробов всех минуешь плен.
Они «охотничьих» кровей,
Иди в глубокий снег бравей!
И были лыжи широки,
Не то, что все подряд, – узки,
На тех лишь бегать по лыжне...
Теперь же эти любви мне!
Потом на речку мы втроём
С утра тихонечко идём...
Дедуля наш передовой,
А папа с санками – за мной,
Идём на лыжах след мы в след,
Рыбацких жаждем лишь побед.
На речке много лунок враз
Папуля сделал – в том он ас!
Ведь он заядлейший рыбак,
И не уймёт в том страсть никак.
Потом им санки – будто стул,
И каждый радостно вздохнул...
В воде насадка – на крючке,
Удильник каждого в руке...
И все по множеству минут
Поклёвок чутко ждут и ждут...
Дедуля первый вскрикнул: «Есть!»
Ай, молодец, тебе и честь.
Папуля тоже не отстал:
Поймал вослед, ведь он удал!
А я ходил и рыб считал...
И был улов уже не мал,

Что я со счёта сбился враз...
И так на лунку пялил глаз,
Что мне дедуля из любви
Сказал: «На, внучек, полови!»
И я сидел... Вдруг поплавок
Свой сделал под воду нырок,
И дёрнул удочку я вверх!
И рыбка вот! Какой успех!
Но без одежды та была,
Быть на морозе – не дела,
И я с спокойных добрых сил
Её вновь в воду отпустил...
И с остальными точно так,
Иначе быть нельзя никак.
Когда ж идти опять домой,
Меня спросили: «Удалой,
А ну, представь улов, рыбак!», —
Ответил хитро я: «Никак,
Папуля, что-то не клюёт,
Насадка ж вся ушла под лёд... —
Кормил я рыбок втихаря —
Рыбачил я! Да всё-то зря...»
Переглянулись те с смешком...
Домой пошли мы вспять гуськом...
Ай, рыбаки мы не плохи!
Нам дома вкусненькой ухи
Бабуля, мама в чугушке
Сварили... Ложка вмиг в руке!
И под рыбацкий аппетит

Уха сама нам в рот летит!
И съели всю её до дна.
На дне лишь косточка одна.
А утром с дедушкой лицо
Умыть я вышел на крыльцо
Холодной, с льдинками водой...
«Ого, внучоночек, стой!
Ах, как красив твой щёк наряд!
Огнём зари они горят!
Озри свой в зеркале видок,
В нём яркость губ, пунцовость щёк —
Здоровья то прекрасный знак,
Оно тебя целует так!»
И я потом, всё нет да нет,
Смотрелся в зеркало: «Привет,
Любимчик любящей души,
Вихор от счастья вон вспуши!»
– Сегодня в лес мы все пойдём!
– А не заблудимся мы в нём?
– Там благодать идёт тропы,
Не утрудите вы стопы.
По ней хожу я, как часы,
В мороз и в зной, и в час росы.
Хожу, хожу я все года...
– Зачем же ходишь ты туда?
Он почесал руки мозоль:
«Так слушать, сладенький, изволь...»
И устремил на лес свой взгляд...
– Коль начался войны вдруг ад,

Фашизм ломился дико в дверь,
Как кровожадный, дикий зверь,
Стремясь Союз с земли стереть,
Социализм не жил чтоб впредь,
Всяк Красной Армии солдат
Стоять за Родину был рад!
В её не брали лишь ряды,
Кто мал ещё, совсем деды...
Но всем Отчизна дорога!
И сбить врагу стремясь рога,
Все в партизаны шли, в наш лес,
И ярость их кипела чрез!
И все рвались в кровавый бой,
Прикрыть Отчизну чтоб собой!
И я пошёл в лес, взяв ружьё,
Чтоб бить всегда, везде вражьё!
И был нам лес, как верный друг,
И дом, и врач, коль вдруг недуг.
Здесь враг терял наш – в страхе! – след...
И шли творцами мы Побед,
И был народ един весь-весь!
И мы с врага сбивали спесь.
И наш здесь труд в Победе есть,
Не уронили в страхе честь,
И дух к врагу наш был взъярён!
Но был бойцов и наш урон.
И вот не дожили они...
Без них салютовы огни
Победы чтили стойкий дух!..

И чтоб их подвиг не потух,
А гордость вечно нам вселял,
Их должен помнить стар и мал
И вечно их благодарить,
Забвенья сбивши напрочь пруть.
В могиле Братской там бойцы
Лежат – и деды, и юнцы,
Рядочком все, плечом к плечу...
У обелиска там свечу
Я ставлю: Знайте, вы – наш свет,
Так пусть он кажется, что во вред
Всем сотворили день и ночь,
Чтоб нам сей вред изгнать вон прочь!
Вы совесть, гордость и печаль.
По ним, забвение, отчаль!
Вот и хожу я к ним, внучок,
Уже который-то годок...
Не должен чахнуть сиротой
Тот обелиск, хоть и простой...
Век с ним меня связала нить.
Вот на призыв – к вам ехать жить —
Мы и согласия не даём,
С бабулей ходим к ним вдвоём...»
Я не с согласия изъясил,
А из стремленья – из всех сил! —
Там быть немедля и сейчас.
И то желание – всех нас!
И мы пошли гуськом за ним,
На лыжах все, и всяк палим

Желаньем – честь им всем отдать,
Спасли что Родину нам – мать.
То был торжественный момент!
И стихли речи все в момент...
В полянку вдруг тропа влилась,
Следов зверей виднелась вязь...
И птиц, встревоженных, шёл писк...
Взметнул Звезду там обелиск!
Пылала красным та огнём
Зимой и летом, ночью, днём!
И мы голов склонили стать,
Чтоб павшим дань души отдать...
Вид был торжественен и тих:
Мы чтили подвиг храбрых – их!
И всё-то шапки не надев,
Издав дедуля вдруг напев,
Всё с непокрытой головой:
«В борьбе вы пали роковой...»
Весь с обелиска снег смахнул,
Потом лопаты мерный гул...
Его сменяли все подряд...
Мой был таким просящим взгляд,
Что деда вытерпеть не смог,
Мне дал лопаты черенок,
И я закончил общий труд,
Чтоб чисто было, ладно тут.
Горела пламенем свеча...
И, чудом-красками крича,
Цветы, к подножию прильня,

Так поразили все меня,
Что я любимый мой значок,
Ну, не достать совсем не мог,
И положил к подножью враз:
«Я чту и буду, дяди, вас!»
Значок тот – гордость октябрят,
Носить его я буду рад!
Моя то клятва ИМ была,
Что будут добрыми дела
Мои отныне и вовек,
Ведь я советский человек!
Потом пошли мы вспять домой...
– Ой, деда, что это? Ой-ой!
Кто нашу тропку пересёк?
– Да это снег, мой голубок.
С ветвей попадал к нам он вниз,
Знать, ветерок промчался близ,
А, может, храбростью ядрён,
Решил сам спрыгнуть бойко он!
– А ветки, деда, высоки...
– Ему, вишь, падать вниз с руки...
Он даже прыгает из туч —
Такою смелостью могуч!
Не нужен даже парашют.
И заключил я твёрдо тут,
Что снег безумно всех храбрей
Парашютистов и смелей!
Через лесную сказку, сквозь
Мы шли, пропитаны насквозь

Очарованием, красотой...
А снег лежал вокруг горой,
Не то что в городе у нас:
Там выпал он, его вмиг – р-раз! —
Убрали тут же, и чиста
Дорога эта, та и та...
Езжай по ним или ходи, —
Препятствий нету впереди!
Здесь всех деревьев и кустов
Наряд чудесен, пышен, нов,
Так он чарует душу, глаз,
Невольно что лучит у нас
Улыбка, с дива широка...
Зимы волшебная рука!
Охота с счастья громко петь:
Есть красота Природы ведь!
А тайна нежной тишины,
Неслышный звук её струны?..
Она милей там-тамных див,
Нас новым чудом наградив.
Лишь нарушается слегка
От дуновенья ветерка
Иль раздираемых дерев
Морозом ярим, будто лев,
Спросонья вздрогнет быстро вдруг,
Когда раздастся «Тук! Тук! Тук!» —
Работа дятла без конца,
Огромной пользы здесь творца...
И вдруг узрел я искр полёт

По веткам вбок, а то вперёд!
«Ой, как бы не был здесь пожар!»
Но вмиг залит был страха жар:
«То снегирия прекрасный вид...
А, слышишь, тонко как свистит?»
– А почему красна так грудь?
– Он светом этим кажет путь
Весне на землю, чей приход
Прогонит снег, растопит лёд.
Надежда, вера – всем тот свет,
И что печали вечной нет,
И с ней вести всегда борьбу,
Добыть счастливой чтоб судьбу!
«Ой, деда, волка здесь следы! —
Вскричал я. – Не было б беды!» —
Прижался к дедушке бочком,
Вперёд с ним шёл одним шажком...
– Да, успокойся ты, постой!
Бежал здесь заяц, сам косой,
Оттуда, видишь, вон туда
Легонько этак, без труда...
И страх в душе не береди.
Вот лапок задних впереди
Передних видишь след, внучок?
Вопрос возник мой, как щелчок:
«Он, что, мчал задом наперёд?»
Расцвёл в улыбке деда рот...
– Да, нет... Ведь задние длинней
Передних, ростом что скромней.

Смотри внимательно, дружок:
Вот заяц делает прыжок,
Выносит задние вперёд,
Потом передних уж черёд,
Чтоб быть готовым вновь к прыжку,
Ты приглядишься к его стежку... —
«Ах, ты, зайчишка, и хитёр,
И в этой ловкости матёр!
А почему же ты «косой»?
Не оттого ль и след кривой,
Что все препятствия – твои?
Вот вбок несёшь следы свои!
Эх, как же зайцам не везёт...
А ты же радуйся, народ!
Нога, что справа, – справа след,
А левой справа вечно нет.»
– Сюда вот взгляд, внучочек, брось:
Здесь проходил огромный лось,
Ты видишь, шаг его не мал!
А там осинку он глодал...
В ответ мотнул я головой,
Но от познания сам не свой,
Узнав, что можно их глодать...
Но то собак ведь благодать!
И незаметно ветку – хрусть! —
И в рот: погложет шустро пусть!
Была она сплошной, как лёд,
Вмиг отморозил холод рот...
Когда сжевал коры кусок,

То так скривился мой роток,
Что прекратил занятие враз:
Такая горечь не для нас!
Ай, в лосе нет совсем ума,
Ведь в мире сладкого есть тьма!
– Дедуль, а ветки, будто лёд...
А жизнь в них снова не войдёт?
И слышу дедушкин ответ:
«Ну, все деревья и кусты
Умом, не думай, не пусты.
Сперва листочкам говорят:
«А ну, слетайте-ка подряд!
Корням земля не даст зимой
Напиться благостно водой,
А каждый лист – он водохлёб,
Ему воды дай больше в зоб,
А вас – орава из орав!
И, воду вы себе забрав,
Нас превратите мигом в сушь,
А сушь – погибель наших душ
Зимой и в холод, и в мороз...» —
И листья – вниз! – устроя кросс...
Всяк лист послушен, не упрям,
Кусты, деревья любит – мам.
Стоят без листьев все стволы,
И все кусты совсем голы...
Но не замёрзнут: шуба есть,
И этой шубе вечно честь!
Подкладка сахарная там:

«Пробратся холоду не дам!»
Из пробки добрая же ткань:
«А, ну, мороз, не лезь, отстань!»
Отделка шубы – то кора.
И вот уж шубе всей – «Ура!»
Закрылись почки на замок,
Чтоб их мороз побить не смог.
Кусты, деревья спят и сны
Всё смотрят, смотрят – до весны...
Весной их жизнь вновь забурлит,
Все примут вновь зелёный вид.
Как удивило то меня:
– Какая хитрая броня!
– Следы вон белки, внучек, глянь...
Бежала днём, не в утра рань.
Они все парные, малы.
Но храбрость требует хвалы:
Пуститься снегом чтоб бежать,
Вокруг ведь хищников есть рать!
А бег по снегу неуклюж
И очень тих совсем, к тому ж...
Любой нагонит хищник вмиг!
Раздастся лишь предсмертный крик...
Знать, не могла свершить прыжка
Меж двух деревьев: тонка кишка...
К тому вон дереву скачки
И совершала, на сучки
Чтоб там взобраться поскорей,
Подальше, дальше от зверей!

Ах, как мне белку стало жаль,
Хоть ушмыгнула всё же вдаль... —
— А те, цепочкой и крупной —
То у лисы самой, у ней...
Искала зайца или мышь,
Тиха, идя сквозь леса тишь...
Я озирался всё вокруг...
Моё привлёк вниманье вдруг
Уж необычный зайки след:
Там, впереди – загвоздка! – нет
Двух задних лапок, лишь одна...
Для зайца прыть та негодна!
— Да... Заяц этот инвалид, —
Дедуля тут мне говорит. —
Не может вытянуть ноги,
И не прыжки уж, а шаги...
Он обо что-нибудь ушиб
Иль уколол серьёзно шип,
Иль обморозил уж всерьёз,
Из пасти, может быть, унёс
Лисы, покусанную зло...
Умчал – и это повезло!
Но вот надолго ли – вопрос?
Лиса ему страшнее гроз.
Нагонит хроменького враз,
Учует копь, ведь хищник – ас!
Так стало зайчика мне жаль!
И я смотрел вблизи и вдаль,
А нет ли хищницы вокруг,

Не будет зайчику ли мук?
Ах, где ты, доктор Айболит,
У зайки ножка ведь болит?..
– А здесь хромал он всю-то ночь,
Терпеть мороз уж был не в мочь...
Так зайцы делали всегда,
Во все-то заячьи года... —
– Он, может, деда, недалёк,
И где-то рядышком залёг?
Давай, капустки принесём,
Ведь есть же нюх ещё при нём!
Морковки можно принести,
Он не собьётся к ним с пути! —
– Положим... Снег-то и занёс!
– Но то не горе, не вопрос!
Подвесим к веточкам еду:
И не в снегу, а на виду!
Но так, достать чтоб, вставши, смог
С своих-то хроменьких он ног.
– Х-м... Мысль ясна, как ясный день.
Желать – одно, творить не лень
Добро на практике весь век —
Другое. Действуй, человек!
Чиста забота, не корысть.
Поймёт то заяц, – будет грызть...
С дедулей вновь пошли домой:
Жди угощения, хромой!
Придя домой, мы наш заказ
Бабуле Наде дали враз.

Она капустку и морковь
Вручила нам, и в путь мы вновь
Пошли обратный, снова в лес,
Его не видел я чудес,
А жил лишь думою одной:
А как там зайчик наш хромой?
– Эге, да он сюда уж приходил,
Видать, с последних, слабых сил.
Давай привяжем-ка сюда...
И вмиг привязана еда.
И со спокойною душой
Мы шли с дедулечкой домой...
Мне ночью снился зайка тот,
Его я гладил, он, как кот,
Мне песни пел, уткнувши нос,
Что я еды ему принёс...
Забинтовал я лапку тож,
Он на больного стал похож...
А утро чуть учуял нос,
Я деде задал вмиг вопрос:
«А заяц тот совсем косою?
Он косоглазием больной?»
Бабуля Надечка блины
Уже пекла: «То с старины
Смешной повёлся этот сказ...
Глаза вот спереди у нас:
Куда лицо – туда они,
И косоглазия ни-ни!
У зайцев глазки сбоку чуть,

То благо им всем, а не жуть.
И даже лучше, чем у нас,
Поверь, во много, много раз.
Допустим, мордочкой вперёд
Направлен он, но то даёт,
Без поворота головы,
Снегов поверх, поверх травы
Всё видеть сразу, всё вокруг,
Где есть опасность, где есть друг —
Вперёд, с боков и, верь, назад,
И глазкам этим зайчик рад!
А вот смотрели б лишь вперёд,
Была бы зайцам жизнь не мёд...» —
Я на дедулю бросил взгляд,
Кивнул он мне, и был я рад
За зайцев всех, что так «косят»
Глаза их ночи, дни подряд.
«А ушки, знаю я, зачем
Такие длинные им всем!» —
Я всем открытие принёс,
Коль им мучителен вопрос. —
То, как подлодки, перископ,
Всего не видеть зайца чтоб:
Услышат где-то, даже мух —
Вот их какой прекрасный слух!
И как какаторы! – я им.
И всяк, улыбкой вдруг палим,
Стал вытирать глаза от слёз...
А что смешного произнёс?

«Ну, коль устройство кажет брак,
Назвать его и можно так». —
Мой папа всем растолковал,
А что? открытие моё —
Лишь правда вся, а не враньё.
Поев с сметаною блинов,
Я в лес опять был мчать готов.
Мой нетерпенья видя пыл,
Дедуля сумку прихватил
С едой для зайца, мы пошли...
И тут увидел я вдали:
Что привязали, то висит...
Вмиг у меня печальный вид...
«Ну, вот, возвысься ты к добру.
Тебе же палкой по ребру!»
И вспомнил мамы тут упрёк:
«С тобой напрасно всё, сынок,
Дубишь, дубишь тебя-то в чём,
Тебе же ноль – всё, нипочём...»
Тут покраснел я от стыда...
Коль не пришёл тот зай сюда,
Настал, видать, ему конец...
«А не горюй-ка, мил-юнец,
Давай изучим все следы,
С ним, может, не было беды...»
Но всё ж, ответа не найдя,
Какой-то час мы погода,
Пошли обратно, впав в печаль...
Вот так, добро душою траль,

А получаешь сердцу боль,
Итог усилий – с дыркой ноль...
Я впереди тихонько шёл,
На неудачу страшно зол...
И вдруг вниманье как взметнёт
Ажиотаж свой! Мчу вперёд:
Одни тесёмки, нет еды...
Внутри, чай, снежной уж гряды?
Но, подбежав, я ожил вмиг,
И мой раздался звонкий крик:
– Он был, дедуля! Съел всё! Был! —
Но он задул мой резвый пыл:
– В твою не сказано будь злость,
В лесу ты, помни. только гость.
Внутри чужих кричать квартир
Нельзя, пугая страшно мир.
Здесь свой порядок, свой закон,
И всякий громкий шум и звон —
Им всем опасность и беда:
Куда бы спрятаться, куда?
Не исключенье и хромой:
Не ткнётся лапой и одной
Он в приготовленную снедь... —
«Не буду, бабушка, шуметь. —
Сказал ему я шепотком, —
Но съел он, видишь, с огоньком!»
«Да», – так же тихо он в ответ.
И привязали мы в момент
Морковки много, кочерыг,

Сюда пусть зайчик – прыг да прыг! —
К съестному снова притрусит,
Его счастливым будет вид!
– Он, зная, отбился от своих,
Коль, как они, в прыжках не лих...
Но вот, услышав как-то нас,
Нашёл он храбрости запас,
Решил проверить чутко след:
Вдруг обронили что вослед?
В нужде отбросил напрочь страх.
Мы – не его печальный прах:
«Пусть лучше к ним я хвост снесу,
Чем вдруг наткнуся на лису!»
Вот угощенье всё и съел,
Поверив нам, став в этом смел.
Шептал я: «Дедушка, всегда
Носить мы будем, все года?»
И он кивал мне головой:
– Но к обелиску мы с тобой
Сперва захаживать начнём,
Заботу чтоб явить о нём.
И я поддакнул: «Да! Да! Да!
Всегда к нему, не иногда».
Еду носили... «Ну, милоч,
Увидеть дай тебя разок!»
Но невидимкой он всё был...
Мой нетерпенья видя пыл,
Раскрыл дедуля хитрый план,
Но чтоб я не был, как чурбан,

Был чуток к жестам и словам,
В лесу не делать тарарам.
– Он в направлении одном
Всё ходит. Видимо, там дом.
Вот ветер дунет от него,
Уйдём от кушанья сего
К тому кусту, что весь в снегу,
За ним засядем. Ни гу-гу!
Хоть будет снег лететь в глаза
Нам с лап его вовсю. Из-за
Того куста он нам во взор
И попадётся! Но позор,
Себя коль выдадим мы чем.
Всё в прах уйдёт, уйдём ни с чем...
Прошёл уж срок, совсем не мал.
И вот он, миг, как мёд, настал!
Подул, хоть слабый, ветерок
На наш заснеженный кусток...
И мы в засаде уж за ним,
И чутко слушаем, глядим...
О разговорах тут ли речь!
Лежим в снегу, а снег не печь,
И пробрала обоих дрожь...
Она ж сейчас помеха сплошь.
Дедуля уж даёт мне жест:
«Пойдём домой, мороз нас съест!»
Но я был в горести тосклив...
И сострадания прилив
Ко мне пришёл, нетерпелив

Лишь на минуту, но пришёл...
А я промёрз и стал, как кол...
И вдруг! Что слышен сердца стук,
Пришёл конец от пресса мук:
Там, где скрывалась тропка вдаль,
Свою там ёлочка вуаль
Чуть-чуть раздвинула, и вот,
Покинул зайчик наш свой грот!
По тропке маленьким скачком
Метался тяжело, будто ком,
Держал одну из задних лап
Он навесу, и весь ослаб,
Он на неё не наступал,
Видать, крик боли был не мал...
И беспрестанно ушки звук
Ловили чутко весь вокруг...
Ходил и носик ходуном:
А вдруг опасность? Здесь не дом.
И вот, приблизившись к еде,
И чтобы в пасть не пасть беде,
Он вновь пускал весь комплекс мер
Защиты в ход... Он, не в пример,
Был осторожен в этом, строг!
Лишь после этого он смог,
Зажав передней хваткой лап,
Прядя ушами, чтоб сатрап —
Лиса – не сцапала бы вдруг! —
Стал быстро есть, ушей всё ж лук
Нацеля точно в это, в то...

Защита так – не решето.
Так всё он съел, должно быть, рад.
И так же двинулся назад
Он в свой таинственный приют,
Ему где лапки вновь дают
И от мороза, и лисы,
Хоть безопасности весы
Всё на нуле всегда стоят...
Еды был вкусной рядом клад.
Так встречей душу я отвёл!
Но глубже жалости лез кол
В неё, не давши ей заснуть:
«Где исцеленья верный путь?
Ах, как бедняжке нам помочь?»
– Да разве только, что поймать,
Тогда была бы благодать.
– Нет, деда, зайчик хоть хромой,
За ним угнаться всей гурьбой
Не сможем, снег-то ведь глубок...
– Ты прав, конечно, голубок,
Хотя и лыжи быстры есть:
Глубокий снег – усилям месть.
Поймать ловушкой, может быть?
Мою увидя тут же прыть,
Повёл о ней он тут рассказ...
Я переспрашивал не раз
И восхищался: чудо ведь
Ловушка будет эта – сеть!
Её он сплёл уж через день,

И было делать то не лень.
И в дело завтра бы с утра
Пустили сеть: ловить пора!
Нам только б зайнку поймать!
С леченьем будет благодать:
Бабуля вылечит зараз,
Ведь санитарка, просто ас!
В войну под вражеским огнём
Бойцов спасала ночью, днём,
Несла к своим с передовой
Под пуль злой свист, снарядов вой,
Разрывов, грохота, всполох,
Через воронки, топкий мох,
Первично раны залатав,
Передохнуть совсем нет прав,
Ведь жизнь бойцов в её руках!
Они же в немощи тисках...
«А не смогу, ветеринар
Поместит враз в стационар,
И зайку, точно, исцелит,
К зверям его ввек добрый вид!»
И вот, настал тот чудный миг!
И мы с дедулей напрямик,
Ту аккуратнo сеть забрав,
Пошли. Мой взор – сплошной бурав:
Чтоб не увидел первым нас,
А если так, его мы – раз! —
И в жизнь счастливую введём!
Все думы только лишь о нём.

Идём... а что-то нам не так,
Заполз к нам в души тут же мрак:
Вдруг неестественный стал шум...
И не почудилось на ум,
А слышен стал собачий лай!
О ухо, нам сомнение дай!..
Но лай в азарт уже вошёл!
Тянул к опасности, как вол...
И вдруг я вздрогнул! Онемел...
То выстрел – яростный пострел!
За ним второй! И третий тож...
Наш взгляд встревожен, нехорош...
И мы ускорили шаги:
Какие там-то пироги?
Спешить – душ, ног заветный труд.
Навстречу, видим мы, идут,
Ведя азартный разговор,
И шаг их важен был, не скор,
На лыжах дяди, точно – два.
С собакой. Встретившись едва,
Мы устремили вместе взгляд:
На бёдрах их, мертвы, висят
По зайцу... Пыжилась их спесь!
И я затрясся страшно весь!..
Кольнуло сердце, как иглой,
Ум помрачился, стал не свой,
Я исступлённо закричал!
Пропал сознания мой причал:
«То бедный зайныка, дедуль!

И он погиб от страшных пуль...»
Упал я с горя тяжело в снег...
Взяла истерика разбег!
Я бился, бился!.. Невпопад
Срывался криков водопад...
«Постой! – стремясь смирить мой раж,
Дедуля мне. – А вдруг не наш?»
Поставил вмиг на пару ног.
Но я уж, точно, занемог...
И он двоим поведал весть
О нашем зайчике, как есть.
А тем история к чему!
И враз сказали посему:
– Ну, если заяц, вправду, тот,
То уж хозяйка отдохнёт,
Перетаскали всю морковь... —
И с смехом каждый вздёрнул бровь!
«Н-нет, н-нет! С-сама д-давала н-нам
В-всегда р-раненько п-по ут-трам,
Н-не забывая ч-чисто м-мыть, —
Тянул свою я всхлипов нить, —
И оч-чень д-добрая она!
И в зайку тоже влюблена...» —
Я продолжал со всхлипом речь,
Злость не стараясь уж стеречь.
«Пойдём! А, может, то не он,
Ведь был под ёлочкой схорон... —
С волнением деда призывал. —
Осмотрим зайкин там портал.

Там всё расскажут нам следы,
Вдруг хватку он избёг беды?»
И я поплёлся, взор склоня, —
Так горе скрючило меня...
Пришли. А там весь снег в следах
Собаки, лыж... Ум вновь зачах...
И с потрясённо-скорбных сил
Я пуще вновь заголосил:
«Нет, ты не прав! Нет, ты не прав!»
И он молчал, к себе прижав
Меня предоброю рукой,
Пытаясь дать мне мил-покой...
«А точно! Заяц инвалид. —
Вдруг слышим мы, и к нам спешит
Один из тех, ушёл что уж, —
Вот потому в прыжках не дюж.
У задней вывих есть ноги,
А сам лечить он не моги, —
Приставил лапки он к следам, —
Ну, точно, ваш! И вам отдам...»
«Он, он... — дедуля всё твердил,
Себя из всех сковавши сил... —
Ах, как внучок ему был рад!
Отрадой был он из отрад...» —
Он шапку снял, печаль гнетёт...
Уткнулся я в него, и рот
Всё извергает горя крик,
И гладит всё меня старик...
«Вы забирайте, коли ваш, —

Сказал охотник. – Вот кураж!..
Коль знали б, мигом – стороной,
И был бы жив тогда косою...»
И сокрушённо он рукой
Взмахнул, душе ища покой,
И по тропе поехал вспять,
А нам в печали лишь стоять...
И виноватою брела
За ним собака: «Вот дела!..»
И с непокрытой головой
Стоял всё деда мой седой,
От горя вон оцепенев,
Оно над ним развёрзло зев...
Я гладил зайньку, ревя...
Трясла истерика меня!..
Потом прижал его к груди:
Теперь хоть вдаль ты не уйди!
Пойдём-ка, зайка дорогой,
К нам в гости траурно домой...
Глаза зачахли уж моргать:
Отпала с горя благодать! —
Вовсю открытые глаза...
Застыла тихая слеза...
И та иссякла уж до дна.
Во всё́м печаль, печаль одна...
«Убили! Заинька погиб...
Упал, как срезанный вдруг гриб...» —
Всплеснув руками, баба в крик!
И виновато всяк поник...

Она расправила его,
Вся затрясая от сего,
И аккуратною рукой,
Как при отходе на покой,
На стол погибшего бочком
И положила... В горле ком...
Все, молча, сели мы вокруг:
Прощай, наш светлый, добрый друг!
И всем застолье то – печаль:
Уйдёт навеки друг наш вдаль...
Коль горе ломит напролом —
Печаль и горе за столом...
Уж нет веселия за ним.
И потому в тоске сидим...
«Ну, ничего, мой мил-дружок,
Знай, через точный, нужный срок
Уж будет чучело у нас,
Не отличит твой острый глаз,
А он искусствен иль живой...
И будет рядом он с тобой
Всю жизнь, тот случай бередя,
Когда природное дитя,
И это знают все, что факт,
Пошло с людьми вдруг на контакт», —
Сказал так дедушка и смолк...
И из затеи вышел толк:
И впрямь, был зайка, как живой:
На задней лапке он одной
Стоял, другую вон поджав...

Вид изумительно был прав:
Нельзя стоять, когда больна,
Ведь обессилена она.
Двумя передними морковь,
Аж взбудоражило мне кровь,
Держал, доверчив к той еде,
Не быть вовек что в том беде...
Глаза раскосые – привет!
Рад быть со всеми уйму лет!
Тут мамы, папы отпуска
Пришли к концу. Я из тиска
Бабули вырваться не мог
И не хотел: она дружок!
Расцеловались, обнялись,
Уселись рядышком все близь,
И с дедой двинулися в путь...
В глазах видна прощанья муть...
А коль конец пришёл его,
Вновь повторилось с сего:
Объятья, чмоканья, наказ,
И пожеланья в перепляс!..
И вот мы прибыли домой.
«Пойдём-ка, зайка милый мой,
На место видное, вот здесь,
Ты будешь виден всем и весь».
О нём узнал наш детский сад.
К нам приходили. Был всем рад
Я повторять опять рассказ
Про случай с ним весь, без прикрас,

Во всех подробностях, как спец.
И был такой я молодец,
Что, вдруг прервав рассказа путь,
Смог с ними вместе так всплакнуть,
Что получался сводный хор...
Но мысль с таких терзала пор:
А всё ль доходит до ребят,
Коль, пятьдесят на пятьдесят,
В моих рассказах – слов и плач,
Что становлюсь от слёз не зряч?
Вдруг по детсаду наяву
Девчонкой-плаксой прослыву,
Коль за косичку дёрнуть ей,
Стараясь лихо и сильнеей?!
Но я из рода ведь мужчин,
И плакать мне претит сей чин!
И стал вести, как лектор, речь,
И повесть нудно стала течь,
И сонно-длинная, к тому ж...
А доходила ли до клуш?
Но с удивленьем замечал:
Она вниманью их – причал!
Ужель рассказ их душам мил?
Я слёз не лил. И вокруг прослыл
Ребёнком стойким, как кремень!
Не будет слёз, хоть бей, ремень!
Всё любопытных мчал поток!
И дверь была, как пчёл леток...
Пришла соседская вот дочь...

Рост, как напёрстка, ну, точь-в-точь!
И уж я пигалице сей,
Стоящей скромно у дверей
И вниз потупившей глаза,
Как покажу, что я – гроза!
Высокомерный так же фронт.
Не дёрну, слышишь, твой я бант.
Ну, что молчишь, как попугай?
Коль цели нет, так прочь шагай!
Бездеьем маешься, небось...
Глаза мозолить ты мне брось!
Она ж скукожилась сильнее...
Молчит опять. Тут жалость к ней,
Молчунье, вспыхнула всерьёз:
«Ну, ну! Мне не хватало только слёз, —
Её отчитывал, как плеть. —
Быть может, зайца посмотреть
Пришла? Так, просим, заходи!»
Пошёл степенно впереди...
Не развернувшийся как ёж,
За мной плелась... «Ну, ты даёшь!» —
Не дал лишь речи я щелчка,
Когда о ткань половичка
Она поширкала ногой...
И то вселило мне покой:
Чистюля, видно, ещё та!
С ней дома, знать, не маята.
И так до чучела довёл,
Его где был всегда престол.

И подняла лишь тут глаза...
И для меня то, как гроза:
От страха, что ль, так велики
И глубоки, что дно реки?
Чего бояться! И ресниц
Ряды торчали длинных спиц...
Печально-ласковым был взор...
Вот ведь умора из умор!
Опять молчит, как тишина...
Да с языком ли, слышь, она?
Но что-то вздрогнуло во мне
На молчаливой сей волне,
И я печальным тоже стал,
Хоть был минуточкой удал,
И что-то ёкнуло в груди...
«Ну, посмотрела, уходи!»
Она ж стоит, в лесу как пень,
Во всей фигуре – горя тень...
Взгляд вновь упёрся скорбно в пол...
И не гони! Останусь, мол.
Её прикушена губа...
И речь моя уж не груба:
«А... может, ты погладить хошь?»
И был вопрос ей так хорош,
Что вдруг раскрылась, как цветок,
И тихо молвила: «Чуток...
Больную ножку... Я чуть-чуть!»
Мои глаза покрыла муть...
Но я, как истинный джентльмен,

Учтивость – долг, в ней несравнен,
Сказал: «Не долго. Не свали!»
Но слёзы были невдали...
Но надо ж девам уступать,
Они принцессная ведь знать!
Лишь указательным она
Коснулась пальцем – в дрожь спина —
Больной той лапки, провела
По ней чуть-чуть и со слезой:
«Ах, бедный зайчик... Бедный мой...»
Сказала тихо и навзрыд
Пустилась в плач!.. Степенный вид,
Сочувствен, вмиг отбросил вон:
«Ну, не реви! Живой ли он?»
Но... прибежавшие на плач
Две мамы наши – их горяч,
В беде коль дети, ввек испуг! —
В две пары гладили уж рук
Нас, прижимали всё к груди
И целовали: мол, уйди,
Тоска горячая-печаль,
От наших деточек вон вдаль!
И, будто мёд, их голоса
Творили с нами чудеса...
И долго-долго от росы
Глаза сушили нам, носы...

Январь 1982 г., Июнь 2016 г.

Домна

Перестройка-перекройка,
Шире ставни нам раскрой-ка,
И на это, и на то-то,
Нет чего, но страсть охота!
Не в укор, что ты с врагами,
Коммунизм проткнув рогами,
Вбила клин в народов братство
И великое богатство
Их труда, природы клады
Растерзала для услады
Кучке алчной, ненасытной,
С жаждой хапать первобытной.
И страна глядит вся ржаво...
А была Земли Держава!
Развалила всё хозяйство,
Лишь бы кучке были яства,
Массы ждёт лишь выживание,
И то тщетное старанье...
И под Запада ухмылки
Потеряла норов пылкий,
Встав на задние две лапки,
Денег им суя охапки,
Воровством войдя в афёры,
Да и сами воры скоры

Мчат от нас во все телеги,
Чтоб укрыли там «коллеги».
Населенье обнищало,
Пригорюнилось немало...
Тут ты быстро добродетель
Крутанула, будто вентиль,
Что, мол, бизнес раздувайте,
Вон с общественной кровати,
Утопающих спасенье —
Их к нему самих стремленье.
Шанс – то путь приватизаций
Предприятий, кучи акций!
Забирайте и трудитесь,
Ты, народ, в невзгодах витязь!
Но наивны все трудяги,
Вон поддавшись этой тяге,
Голоса отдавши тупо
За идею. Но и глупо!
Нет в том равенства доходов,
То обман всегда народов.
Ну, одну, ну, акций пару
Купит нищий, а в сверхтару
Их набьёт битком имущий,
Вот ему и благ все кущи,
Он на кучу эту акций
Вмиг становится сверхцацей
От доходов – кус жирнее,
Ну а крохи, – кто беднее,
Да и скупит остальные

Да за денежки шальные,
Да под радость их владельцев:
То, мол, выгодное дельце!
Вот и он единоличный
Уж имеет голос зычный
В уголках всех предприятия:
Он хозяин! И не братья,
На него кто крючит спины,
Участь их уж, как скотины:
Нет дохода, – вон из хлева,
В безработицы лезь чрево...
Но хозяин доли личной
Не упустит, да приличной,
Вплоть в обход страны законов,
Не бояся их препонов,
Махинаций он, афёры
Мастер наглый, подлый, скорый.
О стране ль его забота?
Прибыль личная! Жизнь мота...

Так же стал Бориска боссом
Некий, всех оставя с носом,
Прикарманя предприятие,
Для колёс дающим платя —
Разных марок их покрышки,
Чтоб в езде без передышки
Были все автомобили,
А прокол, – чтоб вновь купили.

Чтоб не быть уж скуповату,
Он толстущечку-зарплату
Притянул к себе премило,
Чтоб с толстущкой сладко было...
И с усилий всех нахальных —
В свой карман – тьму премиальных,
Чтоб себе ваять хоромы,
Вкусно есть в них и пить ромы,
Разъезжать на лимузине
И под солнечные ливни
Где-нибудь в гавай-мальдивах
Быть с девицами в бурливых
Да компаниях шумливых
Да на денежках отмытых,
На приёмах на избитых,
Что скрывают вон доходы,
Уж не ждя налогов шкоды.
Но безудержные траты,
Как зловредные нитраты,
Производство отравили,
И стабильности нет были:
Денег нет и инвестиций,
И рентабельность вон птицей
Улетела! И кредиты
На все просьбы уж сердиты,
И станки-старьё не в силе,
Конкурентны чтобы были
Шины, стоимость раздувши,
И планированье уши

Поразвесило тупые...
Вот и вынужден крутые,
Чтоб избежать банкротства риска,
Меры был принять Бориска.
На глаза ему попались
Те, дают трудов кто завязь —
Производственные маги,
Циклов нужных работяги.
Им урезал беспощадно
Всю зарплату, чтоб неладно
Было с ним им всем тягаться
Да в довольстве, видя братца.
А потом – толкнул же идол! —
Всем и вовсе он не выдал:
Есть же умные в нём мысли!
Работяги, знамо, скисли...
Коиx вытолкал он в шею,
А других ввёл в эпопею —
Вместо денег – в руки шины,
Чтобы не было кручины.
Отказались все, конечно:
«Что ты, что ты, друг сердешный!
Сам пожуй покрышки эти,
Где им места взять в буфете?»
Разгадавши злу уловку,
Объявили забастовку.
Но Бориска в обороне:
Не пройдёт она, мол, ноне!
В суд подали те поспешно.

Тот в движениях неспешных
Следствий делал всё шажочки
Год, но выводов – ни строчки,
Мол, работнички, терпенье!
Год второй такое ж пенье...
«Это что такое, братцы?!
В лоно марш Администраций!
Чем кормить нам семьи, деток?
Позагнёмся все мы этак...»
Пред властями поуселись.
«Прочь гони всю эту ересь,
МВД!» – рекли чинуши.
И набросились туши
Стражей общего порядка,
Потрепали всех прегадко!
И пошли все вспять понуро:
«Мысль сюда прийти, знать, дура...
Надо к Высшему прошение!
Должен быть же, без сомненья,
Этот чин в стране, наверно!»
Согласились и примерно
Написали Заявленье,
Мол, наладь в стране все звенья,
По труду жилось чтоб людям,
Благодарны очень будем,
В ящик бросили почтовый.
Ах, кто мысль дал, тот бедовый!
Лет прошло уж многовато,
Спит ответ от адресата...

У него благое дело:
В батискафе он пресмело —
Это было мира сказкой! —
Дна достиг уж Марианской,
Страшно впадины глубокой...
Вышел, стройный, синеокий,
Глядь, а там живут моряне,
Да при стройном, гибком стане!
Чистота везде, порядок,
Телом каждый пышен, гладок,
Изумительные зданья,
Автоматика заданья
Исполняет их прилежно.
Друг на друга смотрят нежно,
Ног не давят, не грызутся,
Всё-всё-всё у них не куце,
А достойно восхищенья!
Изумительное пенье,
Величавы хороводы...
Нет, они не мутят воды.
Всё деля и всем по-братски.
Свет вокруг, хоть мрак здесь адский.
А животные морские
Раздревняющие такие —
Вызывают изумленье...
Вот где база изучения!
Нет богатых здесь и бедных,
Подлых, гадких, действием вредных,
Всем всегда душа открыта,

Не крадут себе в корыто.
Совість, разум – здесь владыки.
Достижения велики.
Обновляясь бесконечно,
Все живут здесь только вечно.
И землян все войны-брани
Видят чётко на экране
С осуждением, не со смехом...
Мирным рады лишь успехам.
Их сужденья очень метки.
Мы для них ещё лишь детки,
Зрят с улыбкой, с умилением
Нас и с лёгким удивлением...
«Можем, друг, мы поделиться
Тайной жизни, – мило лица
И с желаньем чистым, рьяным,
Что присуще всем морянам,
Видя глаз оцепененье,
Всем-всем-всем здесь восхищенье,
Предложили. – Эй, Землянин!
Видим, ты всем нашим ранен
И в раздумье: почему же
На Руси всё плохо, хуже?
Дать мы можем для разгадки
Ключ, дела чтоб были гладки».
И кладут его в ладошку,
И целуют на дорожку,
Машут сильными руками,
Всплыли б с ним они и сами,

Да Указы есть строжайши,
Не ходить границ всех дальше!
В батискаф вошёл тут Вышний,
Позакрылся люком-крышей,
Дал над всеми круг почёта...
Ах, остаться как охота!
Завелась бы чудо-дружба.
Но наверх спешить: там служба!
Там письмо от синоделов.
И подъём наверх проделав,
Было, он помчал в столицу,
За крупницей чтоб крупцу
Мощь России собирать,
Да попалось тут некстати
Орбитальное жилище,
Из него кричат: «Дружище!
Заходи, попей чаёчек,
Вот и сделаешь виточек,
И отметишься в журнале:
«Покорил Вселенной дали!»...» —
Вплыл он в люк, уселся рядом,
Осчастливил Землю взглядом,
Речь хотел сказать тут веско,
Да взмахнул рукой, знать, резко,
Вверх тормашками встал позой,
На Руси как всё – занозой,
Повисел, взбодряся духом...
Слышит шинников он ухом,
Что толпятся там, в Приёмной,

Да толпою преогромной
И всё требуют чего-то...
Сразу к ним слететь охота!
«Наследят в моих хоромах...
В этом все они не промах!
Шик пожухнет вон в мгновенье...» —
И пустился он в паренье
С орбитальной этой кручи,
А пробив земные тучи,
Он в приветствии ладошку
И разжал, и ключик-крошку
Потерял в одно мгновенье...
Горе! Как теперь стремленье
Всей страны да в рай достатка
Без ключа взбодрить? Порядка
Нет ведь в ней и вокруг не видно,
Аж ему до слёз обидно...
Да и контра-агентура
Подло действует, чтоб хмуро
Экономика смотрела,
До костей чтоб ссохлось тело,
Русь чтоб шла на поклоненье —
Вражье подлое стремленье —
Брызжут пеной ядовитой,
Чтоб России быть убитой,
И давно не россияне,
Гасят всё её сиянье,
Ставят, ставят всё подножки,
Скачут против, будто блошки,

И грозят, что будут пуще,
Струи дёгтя льют погуще,
Устрашая зверя рыком
И плешивым, гнусным криком,
Фюреришки в зла экстазе,
На касторовой, знать, мази!
Демократии, мол, право!
Русь идти толкают вправо.
А прижмут их – и визжанье...
Запад вмиг впадает в ржанье
И приёмом не забытым
Бьёт с размаха зло копытом!
Тут, мол, когти диктатуры,
Рвут они протестных шкуры,
Вон Россию из Содружеств,
Нет ей с миром всем супружеств!
На замок все отношенья,
Ждёт пусть Русь скуленье щенья,
На коленях для прощенья,
Диктовать потом чтоб волю,
И всучить рабыни долю,
Растерзать Русь на кусочки,
Чтоб история, ни строчки,
Впредь о ней не чирканула,
А к виску ей – дуло, дуло!
Потужил секунду Вышний,
От стыда зарделся вишней...
Припустился к кабинету,
Чтоб в журнале галку-мету

О проделанной работе,
Да во поте, да во поте,
И поставить в счастья вздохе:
Мол, дела со мной не плохи!
А у двери работяги
Растянули просьбы стяги,
Протянули Заявленье:
«Просим Вашего веленья,
Регулярно чтоб зарплата
Нам была, не как заплата,
А пиджак, с иголки сшитый,
Был чтоб шинник не забытый
Босса диким произволом,
Чтоб не бил по семьям колом»
И – о радость! – взял прошение,
Начеркал на нём решение:
«Местным клеркам разобратсья!»
«Слава, миленький наш! Братцы,
Уж теперь к нам справедливость
Не проявит ввек сонливость,
Заживём, да в ус не дуя,
И зарплата уж – не дуля», —
Приложася смачно к ручке,
Были вмиг отсель в отлучке,
Резолюциею ткнули
В нос тем клеркам. Но им: «Дули!
Уж решение наше было.»
Счастья сразу нету пыла...
В забастовке вновь голодной.

А зимой как быть холодной?
Не берут зарплату шиной,
Мол, издёвка над людиной...
Но в семье не без урода,
И средь стойкого народа
Вдруг нашлась одна бабуля,
Как в сердца их злая пуля,
Кучей шин взяла зарплату,
Понесла, пыхтевши, в хату,
Водрузив одну на шею,
Будто бусы: Хорошею!
Две других – в руках по штуке...
И усилий нету муки.
Имя древнее ей – Домна
(Вкруг смешок ходил нескромно...).
Принесла, вздохнула тяжко:
«А на кой они, бедняжки?..
Сыт не будешь от кругляшек,
Не наполнят супом чашек,
И прощай, медикаменты...»
И в такие вот моменты —
Вмиг! – в отчаянье и слёзы,
Ох, душе они занозы...
И припомнилось детство,
Живо всё его наследство:
«Дай-ка я их покатаю,
А потом поставлю с краю!»
И катнула, побежала,
Раскраснелась ало-ало,

Бегом вскачь потом обратно...
«Нет, в дому от них лишь пятна,
Оттирай потом и гнися...
А что если...» – Мысль вдруг лисья
Осенила разом бабуку,
И она, схватив в охапку
Все три шины, мчит из хаты:
«Нате, милые ребята,
Покатайте их снаружи,
Через ямы, через лужи,
Вот-то будет вам потеха,
Душ салют и звонкость смеха!»
Те и рады до макушки,
Благодарны все старушке,
Шины с визгом покатали,
Взбив клубы приличной пыли...
А потом, нос взвивши гордо,
Что, мол, выиграют твёрдо,
Дали вызов сей бабуле,
В беге что примчатся пулей,
Шины ручками кативши,
А она их, знамо, тише...
Не на ту братва напала,
Негасимого запала
Страсть от юности осталась,
И она, презрев усталость,
В марафон нестись согласна,
Стартовав, как лань, прекрасно —
Удивишься, рот разинешь —

Поделила ровно финиш,
Получивши уваженье,
Брать с неё пример – стремленье.
Но шепталася округа:
«Ну, того, видать, подруга...»
У виска ногтём крутила,
Пересудов уйма пыла...
Та ж, покрышки все отмывши,
Под свои припёрла ниши.
Каждый день так повторялось,
В том не вспыхивала жалость.
Позабудут пусть детишки
В играх сладости и пышки,
Всё равно их нищ родитель
Не внесёт в свою обитель:
Нет который срок зарплаты,
Диво-хлеб уж черстоватый.
На работу всё ходила,
Там всё мрачно и уныло,
И Бориски нету близко,
Он вдали, в стране английской,
Покупает там поместье,
Клуб футбольный, яхту – вместе.
Забастовщики здесь твёрдо
На своём стоят всё гордо,
Хмуры, в голоде чуть живы...
Так всегда: одним наживы,
Остальным – печаль, страданья,
Никакого состраданья

К судьбам их у власть имущих,
В перспективе ль, днях текущих...
Забастовщики сноровку
Проявили: «Голодовку!
Голодовку объявляем!»
Не ведёт власть глаза краем,
Хуже, вывод кажется гадок:
Мол, общественный порядок
Нарушают безобразно
И сидят, лентяи, праздно,
Мощь страны вон подрывая,
А она уж чуть живая,
Разродится ли с такими?
Будьте с мыслями благими!
Те ж сидят упорно кучкой,
Шинной брезгуя получкой.
Лишь штрейбрехерша-бабуля
На себя, как нитки шпуля,
Всё навьючивает шины
И несёт в жилища глубины,
Ими вся забита хата,
И в сарае тесновато,
Понавешались вскоре
Да гирляндой на заборе,
А потом и вовсе выше —
На самой уж были крыше,
Сбоку дома – пирамидкой
Позавысились прыткой...
Полисадник берегла лишь,

Пропитанья в нём ведь залежь:
Семь кустов растут картошки,
Чуть на грядочке – моркошки,
Что жуётся сладко, хрустко, —
В два ряда стоит капуста,
Лука грядка – он с горчинкой,
Тыква выпятилась спинкой,
И подсолнух в жёлтой кепке,
Свёкол десять, сладкой репки
Наберётся штук с десятков —
Вот и перечень не краток.
Обрамляли всё цветочки,
Изумляли всем глазочки...
Хватит на зиму внатяжку,
То на супик, то на кашку.
Доживу, мол, понемногу
До весны. Придёт к порогу,
И начнётся всё сначала,
Жизнь – в движенье! Нет причала.
Вот пришла она однажды
На работу, а там дважды
Повторялось в объявленье,
Прекратите, мол, стремленье
Лезть толпой чрез проходную,
Дал завод, мол, «отходную»,
Территория закрыта,
Сторожей – собак – здесь свита.
Почесали все затылки
Понагнулись, будто былки,

И походкою улитки
Разбрелись к себе, не прытки...
Налегке пошла и Домна.
Потрясение огромно,
Как подраненная птица.
Не защита и столица...
В этом строе всё ли ладно?
Всё в верхах да в СМИ – парадно,
На поверку, на яву же
Работягам в нём всё хуже,
Класс он вечно неимуший,
А хозяевам – все кущи
Рая, что себе создали
На Земле, родимой крале,
Обещая нищете же,
Что на небе, кущи те же,
Мол, во всём и квиты будем.
Класс богатых вечно блуден.
Подошла старушка к хате,
Оказавшись в жизни пате,
Не уселась на скамейку,
А взяла с водою лейку,
Полила с любовью грядки,
Чтобы были все в порядке,
И уселась на крылечке...
Шум вдруг чует! Пыль-колечки...
Присмотрелась: от болота,
В сушь куда лезть не охота,
Едет авто тихо-тихо...

Докаталось, видно, лихо,
Всё в болотной грязи-жиже...
Вот подъехало поближе,
Из неё водитель – пробкой!
И походкою торопкой
Тотчас двинулся к забору
И раздолье дал он взору
На висящие там шины...
«Эй, бабуся! Для машины
Не продашь ли сразу пару,
А то всыпало мне жару
То болото до отрыжки:
Вдрызг порвал я две покрышки,
Путешественник-повеса...
Влез туда какого беса?! —
Денег ей подносит пачку. —
Пожалей, бабуля, «тачку!»»
Та опешила от суммы:
«Ну какие тут думы?..
Я помочь, касатик, рада,
Помогать в беде ведь надо!»
И поставил их водила,
И машина укатила...
Тут настал сезон охоты.
Понаехалося – что ты! —
Тьма машин, да разных марок,
И охотник каждый ярок.
Не берёт их и одышка,
Тычут в птицу всё ружьишко...

А как ехать вспять настало,
Удивились немало
Шин объёму бабки склада:
«Вот попутно бы и надо
Снять вон «лысую» резину,
Не застрять чтоб где в грязину». —
Продали им тут же Домна.
Дали денег ей не скромно.
Как уехали, взяв счёты,
Начала вести подсчёты:
То зарплата за два года!
А вокруг зависть у народа:
«Что продать? Лишь с огорода.
Много ль выручки с него-то,
Горсть монеточек всего-то...»
А тут в мире кризис шинный
Разразился, страх предлинный...
Шины стали дефицитом.
Бьёт водил судьба копытом:
Все колёса полысели,
И машины уж не в деле,
Ох, аварий стало много,
Как сурова ты, дорога!
Поразулись все колёса,
Автотранспорт стих и вросся
В гаражи все и стоянки,
Все не мчат, как обезьянки,
По дорожным всем лианам.
«Ох, же горе, ох, беда нам!..»

Но разнюхала разведка,
Нос её же чует метко,
Что в российской есть деревне
У старушки очень древней,
Шин запасец прешикарный,
Вид их всех весьма товарный.
И помчались к ней все пулей,
Будто роем пчёлы в улей!
И упали на колени,
Умоляли все без лени
И совали ей купюры...
Не возьмут их только дуры,
Вот и Домна аккуратно
Их брала. Ах, как приятно!
В сундуки утрамбовала...
Места нету, места мало!
А однажды иностранец
Денег дал ей целый ранец.
Присмотрелась к ним бабуля:
«Аферист ты! Шин те – дуля!
Все они позеленели...
Плесень, что ли, в буйном деле?»
Иностранца отстранила,
Оглядев его немило...
Тот ворчал: «Какая цаца...
Власть я русский жаловаться!»
И пошёл он в отделение
МВД: «Неуваженье
К доллар, лучшая валюта!

Почему та бабка люто
Посмотрел на Президента,
В шею в два меня момента?..
Покупай имею право!
Есть на бабка сей управа,
Как у вас э... проработка?»
Возмущеньем пышит глотка!
Приволок он к Домне стража,
Не унявши буйства ража...
– Эх, ты, старая, чего ты
Придала нам столь работы?
Отпусти, не мучь беднягу!
«Нет! Костьми за правду лягу.
Мне ль дефектных надо денег?»
И берётся уж за веник,
Чтобы выгнать афериста,
Чтобы стало в доме чисто.
«Но ведь деньги их такие!
Их возможности лихие.
Всем известная валюта.
Ты ж в неведенье обута,
И пристало б извиниться...» —
В масть поддакнули все лица,
Ждали что своей покупки.
Домна, скрючивши вон губки,
Дать расписку повелела
Полицейскому. «Не дело
Ты затеяла, всё ж ясно...»
«Ну, тогда вы здесь напрасно...»

«Дай, дай, дай! – тут иностранец,
Аж окутался в багрянец, —
Я тебе давай за это
Тоже множество монета», —
И даёт он стражу пачку,
Тот в момент вступает в скачку,
И расписка вмиг готова,
Подпись – чётко и бедово.
«Ну вот дело так другое...»
Отоварила изгоя.
Но валюту не бесцельно
Отложила всё ж отдельно,
Чтоб рубли не заразила.
И торговля снова – мило...
В это время уж Бориску
Ищут страны все по списку,
Да по нюху Интерпола —
Хороша его в том школа.
Не волнуется Бориска,
Интерпол совсем хоть близко:
В мощь Британии вложение
Сделал веское. Слеженья
Вот за ним её и нету.
Любит Англия монету!
Привечает все отбросы,
Что Россию под откосы
Тщатся вывозом валюты
Вон столкнуть, к ней яро люты.
Чище стали мы без сора.

Из России вон, псов свора!
Мы начнём бюджет с иголки,
Им завалим все-все полки,
Возродим стране фигуру,
Не к последнему уж туру
Победителей медали
Мы вручим России-кравле!
Было б лишь людей единство,
Чтоб неравенство, как свинство,
Социальное исчезло,
Уваженье взвивши трезво.
Справедливости дорогу!
А пока, задравши ногу,
Унижает неимущих,
К равноправию зовущих.
Сирота-завод Бориски
Издаёт уж смерти писки:
Пыль на всё на метр насела,
Ржа металл жуёт пресмело,
Крыша напрочь вся промокла,
И разбиты ветром окна...
Как-то выбралася Домна
На общественное лоно,
Посетила проходную.
Видит запись там такую:
«Продаётся!» Ну, и опись...
И Главы Управы подпись.
«Что, бабуся, может, купишь,
Али денег тоже – кукиш?» —

Двое ей рекут с бутылкой,
Засмеялись с речи пылкой...
Домну это враз задело:
«А что, – мыслит, – это дело!
Я имею то по праву». —
И бегом примчась в Управу,
Получила разрешение,
А к нему и добавленье —
Лист Лицензии с печатью.
Приколовши крепко к платью,
Возвратилась к заводу.
А уж там полно народу...
Слух всех разом взбудоражил,
Глух с рожденья был кто даже.
Вид завода был прегадок...
Принялася за порядок.
И глазели все снаружи,
Кто на кочке, а кто в луже,
Речи искрились ехидно...
Домне было не обидно,
Мыла, тёрла с вдохновеньем,
С высочайшим сил всех рвеньем...
Жалко стало понемногу
Всем её, и на подмогу
Уж пришли, и закипело
В их руках благое дело!
И отмылися станочки,
Будто были все в отмочке,
Крышу, окна залатали.

Но вопрос: а что же дале?
Домна всех переписала,
А нашлося их немало,
Специальность указавши.
«Должность! Должности чти наши». —
Указала тоже это.
И на стенах кабинета
Должностные были списки
И оклады всех – в приписке.
Спели «Ухнем!..» дружно хором,
И во времени прескором
Запустили производство,
Ощувив вновь благородство.
Потеплели к Домне души.
Как цыплятки жмутся к клуше,
Так завод весь к ней стремится,
Называячи «Царицей».
Появилось в жизни счастье,
Ведь на равные всем части
Делит общие доходы,
Им не делаючи шкоды,
Эта самая «Царица»,
И последнею стремится
Получить себе зарплату,
Нет, не взмылясь жадно к злату,
Обеспеча всех сначала.
Если ж ей не доставало,
Значит, так руководила,
Что-то плохо, значит, было,

Надо сделать сразу вывод,
Подключить смышлёный привод.
В доме стал у всех достаток,
Поприбавилось ребяток,
Приобулись, приоделись,
И жаргона стихла ересь,
Возвели себе жилища,
В лютый холод в них жарища,
Сладко веет в зной прохлада,
И в искусстве есть отрада,
Все в кружках, на стадионе,
На природы чудном лоне,
Часты к морю их поездки:
Заслужили, труд их веский,
И в театрах представленья
Видеть – частое явление,
Помощь вовремя давали,
Был кто в денежном провале.
В производстве быть смышлёным,
Не отстало-отдалённым, —
Всем обязанность присуща.
Жажда стала быть всем в гуще
Жизни общества и мира,
Чтоб не выглядеть всем сиро.
Вся продукция шла бойко,
И цена держалась стойко.
Не одна была попытка
Захватить завод их прытко,
Но преступнейшая свора

Вон неслась от их отпора!
И была своя дружина,
Чтоб не сунулась вражина
К ним ни днём, ни ночью тёмной,
Вместе массою огромной
Все попытки пресекали,
Вон гоня мерзавцев в дали
Летом, в грязь, зимой холодной!
Зваться стал завод «Народный».
И название это в мире
На слуху у всех всё шире.
Стал богатым, именитым,
Не задрыпышем немытым.
А уж тут через годочек
Вдруг в Управу – дзинь! – звоночек:
«А исполнено ли чётко,
Если нет, то ждёт всех плётка,
Указанье по заводу?
Пояснили ли народу,
Бастовать что – это вредно,
Не одним, мол, вам, всем бедно,
Коль турнут вон с производства —
Строя дикого уродство —
Но везде так, мол, поверьте,
Виноваты в этом черти».
Дать ответ тут все спешили!
От усердия были в мыле:
«Всё-то выполнили точно,
Без задержки и сверхсрочно,

Поуняли забастовку,
Проявив свою сноровку,
И теперь всё чисто-гладко,
Жизнь, что сладкая помадка!
И во вверенном районе
Тихо стало, жирно ноне.
Был завод, был на контроле!
И по нашей только воле
Навели на нём порядок,
На усталость без оглядок,
Поизмучились, стараясь,
Чтоб сорвать протестов завязь.
Вы, при случае, отметьте
Все усилия наши эти!» —
В трубке что-то пробурчало...
Всем – как жёсткое мочало.
Но – о радость! – им намедни,
После томнейшей обедни,
Почтальон принёс посылку,
В ней записку, чудо-милку,
Что, мол, «...чтя стараний кучу,
Мер суровых строгих кручу
Для порядка наведенья,
Высылаем награжденья,
Прилагается мешочек...»
По Управе шепоточек:
– Радость! Радость-то какая... —
И от счастья все икая,
Понавешали на груди:

Позавидууйте-ка, люди!
На заводе то не знали —
Об Управе, про медали,
Шёл там цикл работы строгий,
Поспевай лишь, руки, ноги!
Коли делаешь всё честно,
То себе и всем прелестно.
Потому и шин премного,
И доход – горою стога.
Все районные затраты
Возмещал. Но в депутаты
Выдвигались от Управы,
Им хотелось много славы,
Привилегий положенья,
От афёр сумм приложенья,
Там и сям хоромы, замки,
Тьмы курортов тяжки лямки,
И под неба синим сводом
Любовались бы заходом
Солнца, труженика неба:
Может, West даст больше хлеба?!
А что, новая эпоха!
Говорит: беги, где плохо,
Вскачь туда, где есть достаток
И кус жизни пряно-сладок.
Сам теперь ты государство,
О себе лишь все мытарства,
К чёрту старые понятия,
Что все люди в мире братья,

Век работай на страну ты,
Без одежды и разутый,
Будешь нищенствовать только.
Что в стране такой нам толку?
Жить лишь можно на обмане,
Сразу будешь в высшем стане —
Вот возможности где кражи,
Души в стане этом – в саже...
Власть стоит на лжи опорах
На земных на всех просторах,
Зло создавши капитала,
Погубивший душ немало,
Миллионные могилы
Что вокруг... Ужели силы
И ума всех нет земного,
Строя чтоб иметь иного,
Без насилия, обмана,
Хищной, алчной кучки-клана?!
Надо всем собраться людям,
На Земле как жить, мол, будем?
Хватит кровь глотать другого!
Надо всё чтоб было ново.
Коллективный будет гений —
Он спаситель поколений,
Стран, народов и Природы,
Будут строя-чуда роды!
Как завод родился шинный
Вновь под подвиг коллективный,
Дав достаток и отраду —

Лучше надо ли награду?
Было всех в том вдохновенье,
К счастью общее стремленье,
Потому и результаты
Их труда и не измяты,
И завода руководство
Не впадало в сумасбродство,
А проблемы, и немало,
С коллективом лишь решало.
И судьёй была всем Домна,
Мненье коей – разогромно.
Улыбались ей при встрече,
И на душах сразу легче...
Меж собой «Мамашей» звали.
За собой вела всех в дали
Благоденствия и счастья,
Принимаячи участие
В судьбах каждого отдельно,
Не жила от всех удельно,
Как и все, пчелой рабочей
Всё трудилась дни и ночи,
Коллектив в одно сплотила,
Потому он в деле – сила!
Город вокруг себя создавши,
Дорожил завод «Мамашей»,
Провожал её до хаты —
Охраняли, как солдаты,
Ей в дому чинили что-то,
Счастье, радость им – забота!

Был завод уже со славой,
И она текла уж лавой
Вдаль, за местные границы,
Вплоть до матушки-столицы.
«Что ж, – сказали там, – похвально,
Хоть и вылез самопально.
Бизнес есть и у окраин!
Знать, пронырливый хозяин,
Дал превратности что фору.
Пригласить его на форум
Бизнесменов, на всеобщий,
Чтоб решили, как бы тощий
Для России нашей нежной
Возродить бюджет, хоть прежний?»
Собралась в дорогу Домна,
Приделась чисто, скромно
И на транспорте наземном,
Водном, пешем и подземным
Добралась до чуда-зданья,
Где вёл бизнес заседанья,
Экстра – вокруг него машины...
Всё-то важные людины,
И в руках всегда мобильник,
В чёрных фраках... Как могильник.
При цепочках бриллиантных
И в манерах всех галантных,
Разговоры в кулуаре,
Дав раздолье дым-сигаре,
С животом огромным братство,

Прячут, что ль, в него богатство?
Средь них Домна – замухрышка,
Плюнь в неё, и вмиг ей крышка.
За уборщицу признали,
Приказали этой «крале»:
«Прибери и в урну брось-ка,
Распрестарая ты моська!»
Полетели вокруг окурки...
И надевши важны шкурки,
Вплыли в зал, уселись в кресла:
Ну, цари, хоть в руки жезла!
Извергали все с трибуны
Речи тёмные, заумны,
Но в конце одни итоги:
Снять, мол, с нас все-все налоги!
Злы проверки! Будто осы,
Жалят больно, взгляды косы...
Но работникам зарплаты
Всем хватает на заплаты.
Зря упрёки мечут в нас-то,
Кутим что на юге часто,
Деньги личные, затраты...
Вот и режем мы зарплаты —
Компенсировать расходы.
Мы ж с умом, а не уроды.
А именья, яхты, замки —
То престиж. Вот тянем лямки,
Чтоб Россею уважали,
В МВФ сидела б зале

И внимала умных дядей
Все уловки, денег ради,
Выполняла б их решенья,
Ради даже умиленья,
И была бы потаскухой,
Не слоном, а просто мухой.
Но зато какая слава!
Похвалы прекрасной лава,
Ровня, мол, всем этим дядям:
Может, с ней и рядом сядем...
Лучше б вспрыгнуть ей на спинку,
На послушную кобылку,
И в бока вонзая шпоры,
По земле скакать, чрез горы,
Наслаждаючись ездою,
Восхищаючись собою,
Разразясь зловредным смехом,
Чтоб Землёй пронёсся эхом!..
Много было всех оваций,
Чтоб страна дала дотаций,
Чтоб не впало производство
Да в плачевное уродство.
Сердцем чуяла уж Домна,
Что в делах их всё... скромно.
Дали слово ей: иди ты!
И глаза всех – из орбиты
Вон полезли... Удивленье:
«Что за странное явление?!
Как метлой мести, советы

Даст за пряники-конфеты,
Иль сушить как пряди феном?
Оскорбленье бизнесменам!
Мы сурьёзные ведь дяди,
Не для цирка здесь мы ради!»
Отвернулись с презреньем
С резким кресел всех скрипением...
Рассказала Домна просто,
Как завод добился роста:
Началось с веры чувства
И труда желанья – буйства,
И сознания, что едины,
Значит, ввек непобедимы!
Описала и картины,
Как завод извёл руины.
Бизнесмены постепенно
Повернулись степенно
И заслушались скоро...
«Коллектив всему опора, —
Продолжала Домна хлёстко. —
Коли в чём была загвоздка,
Ум его давал решение.
Вот вперёд и продвиженье!
Были, правда, и дебаты,
Получать как всем зарплаты,
Аж в цехах всем было душно...
И решили, что не скучно
Будет всем – вот вывод краток —
Весь коль прибыли остаток,

Ну, помимо нужд завода,
В долях равных для народа
Будет только выдаваться,
Не была средь них чтоб цаца».
«Ну, себе берёшь немало...» —
Кто-то с репликой из зала.
«Коллектива я частица,
Из-под носа не годится
Красть с труда его доходы,
Вмиг презренья будут роды.
Ну и что, что я хозяйка?
Сколь хочу, мол, столь и дай-ка
В ненасытные карманы,
А другим – зарплат туманы?
Где же будет справедливость?
Будет только лишь злобливость
И апатия к работе:
Что ж работать ради тёти?
Мне доход – их вдохновенье,
Вера в лучшее – явление
И азарт, и темп великий,
И счастливейшие лики
От пришедшего сознания —
В том взовьётся лишь старанье! —
Что хозяин – это сами,
С их умом и их руками,
И трудом не подневольным,
Апатичным, а сверхвольным.
Все решаются проблемы,

Коль за них возьмёмся все мы!
Да, средь вас мы исключенье.
Но народа уваженья
Нету к вам, уж мне поверьте,
Вам богатства дали черти,
Бизнесменами назнача
При разоре и раздаче
Всех богатств, что мощь народа
Добывала год от года,
Миру дав страну-Державу,
И её введя во Славу.
Вы богаты на обмане,
Идол ваш и бог – лишь ману.
Он толкнул вас на сверженье
Строя, в мире уваженье
Получал что больше, больше
Тех, кто жил, живёт всех горше —
Классов нищих, неимущих,
Все богатства создающих.
Вы ж доход весь с них жуёте,
Грош лишь – тем, кто был во поте,
Да и тот без проволочки
Их обходит кошелёчки,
С их хозяевами даже
Вон летят в печальном раже,
Мусор будто, за ворота...
А всё то, что вам охота! —
Та же участь государства
И его печаль-мытарства.

Всё жульё – не патриоты,
Казнокрады лишь и моты,
Пожиратели чужого».
И заканчивая слово,
Дать ответ им всем велела,
А хорошее ли дело,
Что народные все массы
Нищеты лишь зрят гримасы?
Бизнесмены друг на друга
Посмотрели, мысля туго...
«Это их дефекты зренья,
Надо им всем, без сомненья,
Приобрести очки, чтоб тоном
Были розовым лишь. Стоны,
Бедность их исчезнут разом».
И поглядев умный разум,
Гениально что сказали,
Все заржали оптом в зале!..
Домна форум, духу чуждый,
Вон покинула: «Что нужды
Им людей, что их всех ниже?
Им свои доходы ближе».
Шла она столицей чудной,
Шумной, труженицей, блудной,
Отдалась что без стесненья
Духу жизни, объявленья
Вдруг увидела повсюду,
Чтоб в глаза бросались люду:
«По трудящихся желанью!

К людям, знамо, состраданью,
Всем тарифам быть не выше
Да высотки высшей крыши!»
Прилагался длинный список,
А к нему пятьсот дописок,
Только лишь для уточненья.
Головы пошло седенье
Домны с этого—то дива,
И она в ТЦ ходливо
Понаправила стопёшки...
Зря несли её вы, ножки.
Чтоб торговле шли навары,
На все-все она товары
Цены лихо повзвинтила,
Улыбаяся премило...
Все товары – экспонаты,
Что все люди – аты-баты! —
Мимо них, купить скупые:
К чёрту ль надо дорогие?!
Домне было потрясенье!
И сознания помутненье
Повалило Домну на пол —
Так удар её вдруг схапал!
Прибежали санитары,
На носилочные тары
Чуть живую пошвыряли
И бегом куда-то в дали
Тихим шагом, не огромным,
По больничным по приёмным

Помыгартствовали лично,
Но везде отказы зычно,
Нет местов, мол, всё забито,
Не возьмём старьё-корыто!
Да к тому ж иногородка...
Вдруг очнулась и так кротко:
«Сжальтесь, милы, отпустите
В театральную обитель...
Надо б духом возродиться,
Там и вылечит певица,
Ну и разные актёры —
Оптимизм вселять все скоры», —
И с носилок соскочила
И уж в кассе просит мило,
Дать один билетик в руки.
Участились сердца стуки,
Коль его узнала цену:
«Прочь! Не надо мне и сцену».
Закрывает кошелёчек...
Подскочил в один прыжок
К ней вдруг молодец приличный
И рукой, должно, привычной,
Безо всякой шуры-муры,
Да и выхватил купюры,
Вон отбросив чудо этик,
И тотчас вручил билетик —
Сервис, годный преклоненью
И в хвалебных гимнах пенью!
В зал втолкнул, чуть затемнённый...

Был он пуст, хоть и огромный,
И от зрителей не тесно,
Два иль три всего лишь кресла
Было занято, и Домна
Поуселась и уж томно
Приготовилась смотреть
Пьесы все три акта эти...
Первобытная община —
Первый акт. И в ней мужчина,
Три десятка жён в пещере...
(Это было в древней эре).
Акт второй: песок пречистый
Пляжа дивного, нудисты
Загорают вверх пупочком,
А потом и уж задочком...
И последний акт уж, третий,
Блажь он кажет всех столетий
В банях жарких, в банях русских,
Где, естественно, все гузки
С видом только обнажённым,
Где мужья (своим лишь!) жёнам
Трут мочалкой нежно спинки...
Охладить пар – кваса кринки.
Мизер стало посещений
В храм искусства. Завлечений
Вот и вспыхнула порнуха,
Пошлость режет больно ухо...
«Body art» вокруг проекты!
Обезумевшие секты.

Первый акт явил картину:
На плече несёт дубину
Питекантроп волосатый,
А за ним все – аты-баты! —
Тридцать жён нагих, как галька:
Повыщипывать не жалко
Шерсть им ради экстра-моды,
Чтоб явить себя в народы!
Домна им кричит надуто:
«Бабы! Спрячьте срамоту-то...»
Те в ответ ей повертели,
Показавши гибкость в теле.
И припёрся акт последний,
В нём такие же всё бредни,
Показали мужа, кралю...
«Да пошли вы к чёрту в баню!» —
Прокричала Домна громко,
Из театру, будто пробка,
Вон пульнувшись на просторы,
На вокзал, и вот уж вскоре
Вновь была в своей мил-хате,
Растянувшись на кровати...
Всё-то труженикам точно
Рассказала ярко, сочно,
Те, в реакции все пылки,
Почесали вскользь затылки...
А узнав, что в мире туго,
Тесно сгрудились друг к другу
И стоять решили твёрдо

За себя, прожить чтоб гордо!
То бишь, праведно, короче,
Труд исполня в темпе, чётче,
Зорко стан свой охраняя,
Дав отпор всем, нагоняя.
Налицо была отдача
От усилий. Как иначе?!
Производство шин взростало,
Дав дохода им немало,
Взвивши зависть конкурентов,
Их злобливых комплиментов...
Все на труд ходили к сроку,
В разгильдяйстве много ль проку?
Первой Домна чрез родную
Проходила проходную,
Не забросив в этом прыти,
И последней – при закрытье.
Но однажды – всем то диво! —
Нет и нет уж час «комдива»,
Звали как её украдкой...
«Что нам мучиться догадкой?
Надо ей навстречу выйти,
Ведь стара, ведь мало прыти,
Аккуратно взять под ручку...
Ну не даст за то нам взбучку!»
Но не встретья по пути-то, —
К хате быстро! Дверь открыта...
Что-то, взор, ты нас не ластишь:
Почему открыта настезь?..

Вкруг ни шороха, ни звука.
И в душе – тревога, мука...
Внутри вошли и обомлели...
Взгляды с ужасом на теле
Окровавленном застыли...
Муть в глазах всех, будто пыли
Им швырнули подло горсти:
Вот пришли в печаль мы – гости...
Домна в крови алой луже...
Кто, когда и почему же
Сердце дивное из строя
Вывел, след свой гнусно скроя?
Ничего здесь не пропало.
Целью, зная, того шакала
Лишь убийство Домны было
С гнусным ненависти пылом.
Знать, кому-то всё ж мешала,
Вот и кровь струилась ало...
Хоронили всем заводом,
Всем и плакали народом,
И добавили в названье,
Как отличие и званье,
Сиротинушки-завода,
Ни пиар и ни как мода,
Имя Домны, их хозяйки,
Память как о ней во мраке,
В знак сердец к ней уваженья
И как клятва, и стремленье
Так работать, как велела,

Чтоб живым их было дело.
Из Управы вскоре кучей
Вдруг насели тёмной тучей,
По заводу заходили,
Занеся довольно пыли,
Меж собою всё шепчась,
И обратно в одночасье
На машинах улизнули
С быстротой летящей пули!
Появилось очень скоро
В СМИ районных, вдоль забора
Коротышка-сообщенье,
Что вступил, мол, во владенье
Сим заводом, коль нет Домны,
Расхозяйственник огромный —
Воля то аукциона
(Ну, опустим место оно,
Где он был и время тоже,
На задворках или в ложе,
Впопыхах или заране,
При согласии иль в брани —
То истории уж дело).
Но о нём глаголят смело.
Новый тот хозяин звался
«Господин Хапужкин Вася»
Он зарплату делом первым
Всем урезал, чтоб их нервам,
Будто волнам, вон взметнуться!
И зарплатка смотрит куце...

Отменил он людям помощь:
«Это что ещё за овощ?
Уравниловку – на пику!
Всё теперь в мою копилку».
Штрафы ввёл за все огрехи,
И смутьянам «на орехи»
Щедрым был и за ворота
Вон швырял, кого охота,
Клин вбивал, щепил единство,
Оскорблял, вон впавши в свинство,
И на всех смотрел с презреньем
Да невидящим их зреньем,
Часто крыл сапожным матом...
А потом пропал куда-то,
Не простоя на прощанье.
Виден был на совещанье
Он в Управе очень важным,
От усердья с телом влажным...
В кабинет зашёл потом он,
Тишина где, а не гомон.
Дверь, потуже закрывайся!
«Господин Хапужкин Вася» —
Так на ней гласит табличка.
Барин он, не обезличка!
А доверенные лица,
На заводе чтоб трудиться,
Им оставлены с отъездом.
Посещал завод наездом,
Это ж личное именьё,

Нужно тут контроля рвеньё!
Как челнок он был отныне:
Заседал в Управе ныне,
Завтра целый день рабочий
На заводе паялил очи,
Был отменно сумасбродный,
Сбил название «Народный»
И что имени он Домны:
То крикливо, мол, он скромный.
А на следующие сутки —
Вновь в Управе все минутки.
Совершал он так гастролы
Всё в одной отменной роли,
Никакого измененья!
Ах, искусен, много рвенья,
В СМИ хвалебные заметки...
И вот нате! Вдруг он в клетке
Очутился вмиг судебной
На диете водно-хлебной:
Он в Управе положенье
Впряг в своё обогащенье,
Миллионные брал взятки,
Разбазаря без оглядки
Милки-Родины достаток —
Был искусен в том и хваток,
Уйма числилась имений,
Он строитель их был гений
На фундаменте Отчизны,
Заграницы не капризной,

И не тайной стал уж ноне
Мифчик об аукционе,
И так далее, в том роде...
Шепоток пошёл в народе:
«Вот завод бы взять вновь в руки,
Нищеты не знали б муки!»
Но ответ пришёл суровый:
Будет там хозяин новый!
От завода в руки малость —
Только вывеска осталась,
Что нашли они в отходах,
Поотмыли в многих водах
И на Домны дом прибили,
Сдувши с душ премного пыли.
Стал музеем он народным.
По минуточкам свободным
Оставлял свой отзыв каждый,
Как счастливым был однажды
Он под домниным началом,
И завод-де был причалом
И отрадой после бури,
Вихря злобствующих фурий,
Дал еду и дал одежду
И, что главное, надежду,
Счастье будет что в дальнейшем,
Да в агонию всем лешим.
Домом стал культуры, центром,
И к нему желанным ветром
Больше душ всё заносило,

Придавало чудо-силы
И крепило единенье.
Были чтенья здесь и пенье,
Демонстраций был началом,
Духа, бодрости запалом
И отрадою покоя,
Как ковчег в потоп для Ноя.
Но однажды звук вдруг резкий
Поголовно вызвал веский
Всех вопрос: куда стремится
Та «пожарка», будто птица,
Освещая фар свеченьем
Ночь, с безудержным стремленьем
Укротить огонь там где-то,
Наложить на буйство вето?
Все узнали моментально,
И то было всем печально,
Что сгорел дотла дом Домны,
Языки огня огромны
Вмиг строение слизали...
Да удержится слеза ли,
Не пролиться чтоб в печали?
Люди плакали, кричали!..
СМИ с утра, как по команде,
Вмиг явили: дом-де, в аде
Был огня из замыканья,
Он, ох, старый... Все старанья
Погасить и были тщетны,
Хоть усилия заметны,

Мы причины всех коллизий
Знаем лучше всех комиссий
(Было б только указанье).
Не вернёшь теперь уж зданье...
Да! При тщательном осмотре
Вкруг всего на страшном одре
Обнаружили канистру
С-под бензина. Может, искру
Та и враз воспламенила,
Уничтожив всё немило?
Скорбь на страшном пепелище...
«Слышь, товарищи! Нас тыщи.
Возродить имеем право
То, что дорого и слава
Нам теперь уже до гроба,
И недели два мы оба,
Выходными что рекутся,
Посвятим на дом не куций,
Будет лучше погорельца,
Нам знакомо это дельце!»
И как в горе муравьишки,
Коль разрушат их домишки,
Вновь спешат к восстановленью
Дружно их, не пыжась ленью,
Тащат, тащат всё былинки —
И вот вновь дома-картинки
Их стоят, как пирамиды!
И людей такие ж виды
Видит город в восхищенье:

Будет вновь стоять строенье!

Август 2016 г.

Оптя и Неверка

Две подружки жили-были,
Не терпели грязи, пыли,
И от самого рожденья
На всё-всё имели мненье,
За него стоя горою,
Аж до ссор с того порою!
Свой на всё взгляд и примерка.
Оптя – имя – и Неверка
Звались эти так подруги,
Так и знали их в округе.
Оптя – яро оптимистка,
А Неверка в мненьях близко
Никогда с ней не бывала,
В спор вступая без забрала.
Как-то в транспорте подружки
Повстречались и, как мушки,
Зажужжали новостями,
Не заметивши и сами,
Как, взвинтивши разговоры,
Перешли уже на споры...
«Вот про гадость ты и горе,
Что, мол, их везде всех боле.
Ты, Неверка, в заблужденье,
Счастьем больше наслажденья!

Я, – пошла в ход дале Оптя, —
Вкруг не вижу горя когти.
Счастлив в спорте победитель
И, дитя родив, – родитель,
Счастлив въехавший в квартиру,
И открытье давший миру;
А влюблённых воркованье!»
– Но и горе – расставанье...
– Чтоб желанней были встречи
И верней любилось, крепче.
Счастлив сдавший Госэкзамен...
– А возникший гнев вдруг мамин,
Что не ест ребёнок кашку,
Тащит в рот, поймав, букашку?
– Радость – музой наслажденье,
На вершину восхожденье,
Радость – выполнить заданье
И построить к сроку зданье...
– Это с кучей недоделок,
Постоянных переделок?
Цен меха потом раздувши,
ЖКХ жильцов всех души
Вмиг оставит без сознания,
К кошелькам без состраданья —
Да светла ли будет радость,
Коль нахраписто прёт гадость?
Цен прилавки шерят пасти...
Это радость? Зла напасти!
А учебных заведений

Кто всегда всех курсов гений,
Хоть в ученье и тупица?
Кто на взятки не скупится!
Обученья папилломы —
То преступные дипломы
Академий, институтов,
Фальшь органы опутав,
Что дают те без зазренья
За отсутствие ученья
В этих самых заведениях
Частных – жуликов владеньях,
Помня цель свою пресвято,
Чтоб неслась к ним вскачь оплата
Да за мнимые уроки —
Аферистов то уловки.
Это строя порожденье,
Беспредела наважденье,
Где нет совести и чести,
Шабаш, шабаш алчных бестий
И зловреднейшие споры,
И нахрапистые вору,
Мощь страны крадущих чисто,
Ей всучив специалистов
На дипломной лишь бумаге,
А в трудах все – бедагаи,
Производство холостое,
Сбои, крах, навек простои,
Ужас, толпы безработных,
В выраженьях самых плотных

Власть, судьбу клянущих дико
До осипшего аж крика...
Совесть впала в обмеленье...
Повсеместное явленье!
Цель одна лишь всех: нажива!
Всё преступно, подло, лживо.
Потому из-за неё-то
Всем друг дружку грызть охота!
Всюду видно разрушенье...
Кучки лишь обогащенье.
Всем – пустые обещанья,
Потому их обнищанье...
Это радость-наслажденье?
Ада-яви наважденье!
А народа депутаты,
Их лихие всё дебаты,
Лучше рюмки как поднять бы
В честь Козла и Тигра свадьбы?!
Социальные программы
Режут, будто пилорамы...
И отдавливают ноги
Нищим грузные налоги...
Это ль радость? Это боли,
Ущемленье прав и воли.
Коль инфляция жирнее,
Пенсий реченька мелее...
А ты: радость... Это горе!
Нищета, слёз горьких море...
– Но зато премного партий,

Их заумных, ярких хартий!
– Все до выборов крикливы!
После них дела тоскливы —
Для страны, всех нас, конечно.
Им самим урвать не грешно
Кус побольше пирожочка,
А во власти ль заморочка?
Партий надо ли десятки?
Все друг дружке дают пятки,
Близнецов одни Сиама
Вид имеют, скажем прямо,
Раздирают на кусочки
Дух людской без проволочки,
Монолитность раздробляя,
Над страной кружа, как стая,
Изощряясь в щебетанье,
А провал, – вмиг оправданье,
Что-де звёзд расположенье
Их сгубило вдаль стремленье,
Защитить не дали бесы
Населенья интересы,
А то всем бы показали,
Как страну вести в сверхдали!
То, конечно, ложь и сказки,
Расплодились по указке
Их хозяев заграничных,
В интересах тех лишь в личных,
Ибо мощи раздробленье
Повлечёт закабаленье,

Что мечтали те веками,
В сердце тыча нам штыками
И неся разор и горе...
Мы бельмом в их алчном взоре.
Коль крутнёт в автомобиле
Всяк себе «баранку», пыли
Будет уйма, без сомненья,
Но вперёд лишь без движенья.
Вред стране и для народа
Управленье с тьмой разброда.
Командир один для строя!
Вред ему, коль их уж двое,
Коль дадут одновременно
Две команды пренадменно:
«Марш налево!», «Нет, направо!»
Строю будет то отрава:
Разбредётся он, как стадо...
А врагу того и надо,
Всех слизнёт поодиночке
И страны собьёт замочки...
Не приемлют миллионы,
Коль в верхах лишь пустозвоны.
И в семье пропала верность,
Не изысканность, а скверность
Тупоумнейших мышлений...
И обманы тьмы религий,
Чтоб в довольства быть им лиге,
Вмять чтоб всех в доисторичье,
Вон урвав себе величье.

Не кощунство и не зло ли,
Чтоб лишать народов воли,
За счёт их пожить в охотку?
Нет, хватают всех за глотку,
В цепи спутав усмиренья,
Привнеся им разоренье!
Всюду горе, беды всюду,
Возвеличивши Иуду
Жизни алчнейшей – наживу,
Топотнёй загадив ниву...
Где ты видишь в этом счастье?
Урожая нет – несчастье.
На полях уж лес, дернины,
Грудой – ржавые машины,
Развалились все строенья
Для скота – то зла веленье,
Труд убить чтоб коллективный,
Мощный, славный, прогрессивный,
Чтоб родной производитель
Был с чужим не как воитель,
Дав продукцию парадно,
А оплёванным злорадно...
Чтоб везли из-за границы,
В сёла даже и станицы,
Что родит земля и наша:
«Жуй загранки всё лишь, Russia!»
Овдовели все деревни,
Доживает в них, кто древний,
Нищ, голодный, в нервной дрожи...

Нет совсем там молодёжи,
Сгнили ветхие домишки,
Здесь ненужные людишки...
Козней то врагов итоги
И своих в родном чертоге,
И хозяев их – уж внешних,
В бедах мира распрегрешных,
Как шакалов, будто свора,
Все Руси хотят разора,
Вон убить народов братство,
Растерзать её богатства...
– А дорог преображенье?
Всех властей омоложение?
– Но все скажут вслух прорабы:
«Дальше тех дорог – ухабы...»
Власти юные вельможи
Из карьерной сшиты кожи,
К дармовой летят кормушке,
Как назойливые мушки...
Им страны ли интересы?
Нет. Коррупции все бесы...
– Радость – браки однополых!
– Но восторг лишь тем, кто олух:
Рода то людей кончина,
Идиотов дурачина.
Уж со скважиной замочной
В брак вступили не заочный,
Подведя погуще брови,
Мужем числят плод моркови...

Медицина с увлечением
Пусть займётся их леченьем!
Наркоманам даст таблетки:
«Вновь людьми родитесь, детки!»
Алкоголикам – по две-то,
Наложить питью чтоб вето!
Все они страстей лишь мулы.
За счёт их живут акулы,
А не мирненькие овцы, —
Наркотою то торговцы,
Алкоголя воротилы.
Ждут зависимых могилы...
А копатель их – нажива,
Вот и множатся сверхживо...
Цель: любой ценой доходы!
Принимай и мри, уроды...
Тянет в это обнищанье,
Всплыть хоть делают старанье...
Богатеям – возбужденье,
Дивом чудным наслажденье!..
– Ну чего ты всё об этом
Заунывнейшим куплетом?
Жизни нету ведь без риска,
Оптимизмом подбодришь-ка:
Демократии то воля,
Всем своя ведь в жизни доля.
– Кучке в роскоши житуха,
Что свисает с яств аж брюхо,
Подавляющим же массам

В праве нищенским быть классом.
Вот и равенство в правах-то.
Кучке – праздность, нищим – вахта,
Да без роздыха, зарплаты,
Всё латаючи заплаты
Месяцами и годами,
Мол, питайтесь... голодами
До недолгой уж могилы...
Развелися педофилы,
Изуверствуют маньяки,
В СМИ безудержные враки,
Торгаши эльбрусят цены,
Проститутки ставят сцены
Эротически-интимно...
И берут под звуки Гимна
Нагло, алчно, без оглядки
Главы служб за взяткой взятки
И на них всю шикуют,
Восхваляя жизнь такую!
И богатств желая, славы, —
Регионов так же Главы.
Нет контроля государства,
Вот и качества мытарства:
Производству вред, здоровью,
Всё к наживе лишь с любовью...
Переделы сфер, захваты...
Ради них – все, как солдаты,
В бой идут чрез трупов горы —
Так за куш в расплатах скоры.

Миллиарды за границу,
Своровавши, прут, светлицу
Там отгрохать чтоб на случай,
Уползти туда ползучей,
Схватит коль ОМОН за хвост-то,
И вмиг в клетку, как прохвоста!
– Ну, бюджета мал упадок.
Быт народа, хоть не сладок,
Но концы свести с концами
Может в братстве с чудесами!
– Сук пилить, да под собою, —
Быть с безмозглой головою:
Неминуемо паденье,
Действий глупых посрамленье...
Снять плоды чтоб с тучных веток,
Их пилить не надо этак:
Сгинет дерево без кроны —
Так вредны ему уроны...
А подлейшие укусы
Тех, кто тьякать ввек не трусы
Из конур своих добротных,
Коль шаги страны дородны, —
Им они сверхраздраженье,
Потому и их стремленье
На закат тянуть парчины
Вон страны зубами псины,
Там, мол, богу поклонись-ка,
Там прекрасная прописка,
Там лишь спинки гладят нежно,

Кормят сытно и прилежно,
Лишь команды выполняй-ка
Поусерднее ты, Ванька!
Умиляют псину кости
Да заката: «Бросьте, бросьте!»
И шуруют тихосапы,
Встав на задние две лапы
И виляючи хвостишком
Пред зелёным доллоришком,
Что подсунул фонды-миски:
«Жри и тьявкой по-английски,
На страну задравши ногу,
Создавай внутри тревогу,
Хаос, дикое роптанье,
Сотрясай фундамент зданья».
Морда явится тут волчья,
Разнесёт жильцов всех в клочья!
Будут штаты, земли, графства
И пирушек диво-яства,
А народ – в закабаленье,
Ждёт и вовсе истребленье,
Мол, то варварское племя,
Уничтожить это семя,
Быть ему навек в могиле!
Потому и обложили
Баз нахрапистых громадой
Всю страну – она преградой
К их господству мировому
Встала: «Нет, не быть такому!»

Все равны, всем – уваженье,
Не волков как обложенье,
Равноправная торговля
И в правах во всех лишь ровня».
– Но в их стане ведь веками
Демократия с усами,
Вот они и благосклонно
Ею делятся законно
С государствами земными...
– Чтоб по духу быть иными,
Слепо следовать, как стадо,
Пастуху куда лишь надо —
На шашлык всех поголовно,
Вот и не было их, словно!..
– Там, свершил кто преступленье,
Для земли всей восхищенья,
Отбывает срок с почётом,
Не с труда обильным потом, —
С ванной, теннисом, бильярдом
В тюрьмах жизнь идёт парадом! —
Вот как ценится там личность!
Демократия-приличность.
– Но кощунство чуют жертвы...
Горя родственникам – жатвы
И отчаяние вдовам,
Им и детям слёзы снова...
– А ЕГЭ, что нам подарен?
В нём учащийся, что барин!
– Это галко-угадайка.

А ты знания им дай-ка!
Нам с злым умыслом всучили,
Чтоб в отсталости быть иле.
Чтоб Вселенной скрыть нам дали,
Астрономию украли
У учащихся, швырнувши
Долбоже-никчемность в уши,
Ход историй оболгали
В час раз сто аж, не едва ли,
Математику и русский
Втиснув в редкий час и узкий,
Подсуропив развлеченья:
Россиянам вред – ученье!
Подготовим их рабами,
Бьют пред западом пусть лбами!
И связали крепко руки
Обездоленьем науке,
На глаза – его ж повязки,
Чтоб открытий чудо-сказки
Ей не видеть, сиротинке,
Палки – под ноги, заминки
Чтобы были ей в движенье,
А Руси – неуваженье.
– Но зато продуктов горки,
Да всё в красочной обвёртке!
– Ты слепа, не видишь сцены,
Коли взглянем лишь на цены,
Так всех волосы аж дыбом!
Ай, почёт колбаскам, рыбам!

Как музея экспонаты —
Все товары, вот и в паты
Все впадают сиротливо
И бегут вон прочь бурливо!..
Всюду ножницы за ними,
Да шажищами большими —
Кошелевков и цен различьем, —
К судьбам напрочь с безразличьем
Всё спешат, давя на пятки,
Да на совесть без оглядки...
От величия ведь крохи
Лишь остались, вот и вздохи,
Что не ладятся дела-то,
Хоть ума полна палата,
Дышат лишь на выживание,
Их «отверженные» — званья...
В пасть их бросили судьбины,
Тянут краха всех глубины...
— А мигрантовы потоки?
Это братства вновь истоки,
Время будто бы Союза,
И они нам не обуза:
К братцу старшему прильнуть бы,
Чтоб свои взбодрить тем судьбы!
— Но их было всех стремленье
От него жить в отдаленье:
«Жизнь свою наладим сами,
С бородами мы, с усами,
Заживём за будь здорово

У барашков да у плова!»
Брата вытолкали в шею...
В нищеты впав эпопею,
В краха лужу сразу сели...
И во все попёрли щели
К брату вновь, чтоб поживиться,
А душа у них – волчица:
Начались убийства, кражи,
Брат объект им стал ведь вражий,
И в метро, и в зданьях взрывы,
И заложники чуть живы,
И разборки меж собою...
Ах, раздолье для разбоя!
Жизнь на метре на квадратном
В превышении стократном,
И, как кролики, плодятся
У бездетнейшего братца,
Позаняли всю торговлю,
Уж своей считая кровлю,
Что им братик предоставил,
Вон не чтя его же правил,
И орудуя в подпольных
Предприятиях раздольных,
И наркотики всех видов,
Ну, за БАДы скромно выдав,
И не в брата сумм вложение,
От него их отторжение,
В свой кишлак или аулы
Шлют и шлют тех сумм баулы,

Мощь братишки подрывая...
Благодарность ли иная
В дружбе есть таких неверных
И предательством прескверных?
Чёрта ль им в российском флаге,
Ведь они все лишь варяги,
Лишь себе важны удои,
А в удоях зло – престои.
Мыслят в нашей хате чудной
Жизнь всегда вести преблудной,
В след глядя нам зло, немило,
Чтобы к ним всё наше сплыло...
Главарей лишь ждут указа,
Чтоб взъяриться, как зараза,
И устроить бойню миру,
Яро в ход пустив секиру...
Всех всевидящее око
Видеть их должно далёко,
Мир спасти цивилизаций —
Всем в борьбу со злом ввязаться,
Дать отпор чуме кровавой,
Гидре дикой, многоглавой!
– Но не все же поголовно
В мире зверем рыщут, словно...
– Друг лишь тот, кто в друга горе
Помощь даст без выгод вскоре,
Предоставит без оглядки,
Было с другом чтоб в порядке!
Большинство же не такое:

Нет ему всегда покоя,
Не получит коль подачку
Да валюты милой пачку,
А коль выгоды не стало,
Друг такой влечёт уж мало,
За бабло пойдёт с врагами,
Друга зло боднув рогами...
Нет порядочности, чести,
Много злобы, подлой мести,
Жажды жить за счёт другого,
Оболгав, забив сурово,
Растерзав его богатства,
Ради выгоды – вон братство!
Рады вгрызться чрезвычайно
В непорочность яро, стайно
По указке – «Фас!» – хозяйской,
Им холуйство – милой сказкой...
А гражданство их двойное
Быть даёт во вражьем строе
Против кровного народа —
Такова их гнус-порода,
А по сути разветвленья
То хозяйского правленья,
Филиалы и отделы,
Хапать, хапать чтоб наделы,
Чтя свои лишь интересы, —
В том с крестом они, но бесы!
– Может, это перестройка,
Чтоб в довольстве жили, бойко

С демократией под ручку,
Взять потом чтоб тах-получку?
– А зачем громить пчелиный
Рой безмозглою дубиной,
Чтоб в его проникнуть соты,
Мёда съесть, не сбив охоты?
Может, лучше дать им улей,
Чтоб в него влетели пулей
С милым взятком полновесным
С видом радостным, чудесным?
Пчёлам пасеку представить —
Им отрада в том и нам ведь!
Сообща берут те взятки,
Мёд творя, растя пчеляток,
На врага идут всем роем,
Храбрость их – сродни героям!
Но в семье не без уроды,
Есть и праздная порода,
Коей по сердцу безделье,
Да всё нега, да веселье
Без труда, да было б сладко,
Льстят, но гадят распрегадко...
Так все ночи и все будни.
А зовутся кратко: трутни.
Не летят они к цветочкам,
Вить над ними чтоб роёчком,
Чтоб с пыльцой и нектаром
Вспять лететь: «Работать даром
Не к лицу нам. Не пристало!

Вдруг ужалит чьё-то жало?!
Не пойдём и на защиту:
Трутню вредно быть побиту!
Не пошлём трутняшек в бой мы,
Работягам быть в обойме!
Им трудиться, гибнуть сроду
Так идёт!.. Хвала их роду!
К касте нас иной причисли:
Выдаём ума мы мысли,
Да всё этако такие,
Чтоб всё с умыслом, благие,
В мировом аж ли масштабе;
Нам в наставническом штабе
Верховодить лишь пристало!
Хоть и этого всё мало...»
Пчёлы все с речей наивны —
Так науськивания ливни
Вымывают ум их мутно,
Матка, мол, живёт беспутно,
Им же нет совсем просвятыя...
Незаконно это, братья!
Прочь покинет пусть наш улей,
На неё трудиться – дули!
Под наивнейший шумочек
Трутни дали ей пиночек!
И трутнику усадили
В трон преважно, вон в кадиле
Вмиг создавши благовонье,
Ей хвалы воздавши звонье...

Каковы ж с того итоги?
Пчёлок носят еле ноги
От трудов и никнут крылья...
Трутней подлых камарилья
Потирает лихо лапки,
Мёда целые охапки
Подгребают под себя-то:
Жить раздольно – это свято!
И объёмные посылки
К трутням прочим, как кобылки,
Скачут оптом, ворохами,
Ульи грабя с потрохами:
Нет запасов прежних мёда,
Восполненья нет приплода,
Сгибло радости жужжанье,
Дать врагу уж нет мужанья,
Всюду затхлость, пыль и плесень...
Мир невзгодами стал тесен,
Пчёл рабочих вокруг унынье,
Горе, горе им отныне...
А не сами ль виноваты,
Были что вы глуповаты,
Лжи внимая речи стадом?
Вот и жизнь вам – страшным адом...
Если вместе зажужжите,
Да без лени и с всей прыти,
То оглушите всех трутней,
Дрожь возьмёт всех этих плутней,
И за жизнь свою дрожавши,

Вон покинут улы ваши —
Их очистите от хлама,
От презрения и срама,
Восстановите величье,
Трутной выявив обличье,
Заживёте снова сладко,
Ложь стремясь внимать не падко,
А разумно всё лишь взвесья,
Вот и в хаос сила бесья
Вас уже не бросит снова.
Будет радости обнова
От труда и единенья,
Сил, ума одно стремленье!
Встанут пчёлы жало к жалу,
Всем дадут такого жару,
Кто их тронет лишь обитель,
Что захватчик и воитель,
Нагло вторгшийся с экстазом,
Вон помчит с опухшим глазом!
Пчёлы все готовы к бою:
«Обходи, враг, стороною,
Мы на жизнь имеем право,
Мы едины, нас орава!»
— А в аптеках обхожденье
Просто чудо-наслажденье!
Знают, что и где на полках
При болезненных пороках
Взять и дать всем в упаковке,
Не болели чтоб головки,

ЖКТ чтоб был нормальный,
Не был чтоб insult летальный.
Я купила витамины
С чудным запахом малины,
И на рот и нос повязку —
Не схватить чтоб вдруг зарадку.
Ах, в аптеках как всё чудно!
– Что ты, Оптя! И в них блудно,
Ведь вокруг общество наживы,
Вот и их деянья лживы,
Торгаши и коммерсанты —
Все аптеки. Их таланты,
Чтоб продать всё подороже,
И с продрынком тоже схожи,
Ведь всегда там взвесят гнили.
Здесь отпустят – и в могиле
Сразу можешь очутиться,
Ведь преступнейшие лица
Прут сюда фальсификаты
Под рекламные плакаты,
Что, мол, всё – оригиналы
Через законные каналы!
Ну, и цены, значит, те же —
Вот и прибыль им с кортежем
Мчит прерадостно в карманы!
Строй рождает их обманы.
Выметает напрочь веник
Из аптек, что низкий ценник
Кажет, в их входя обитель,

Потому производитель
Прекращает их рождение,
Как убытка наваждение.
А страдает неимущий,
Ведь ему удар то сущий,
Взглянет с вздохом в кошелёчек,
Вспять направит свой шажочек —
Доживать в своей квартирке,
Рад уж будет смерти-милке...
Ну да, Оптя, с этим ладно.
Ты про спорт, что, мол, парадно
В нём у нас да распрекрасно.
Веселишься-то напрасно,
Вон в хвальбы дубася бубен.
Он богатым лишь доступен,
И немалая в том плата;
Подавляюще ребята
От площадок все горохом
Скачут вон с печальным вздохом...
Держит рубль их все порывы,
Хоть ловки они, игривы —
Так судьба к ним всем превратна.
Раньше было всё бесплатно,
Ловким, сильным, быстрым, гордым
Тело было, и рекордам
Потому их вечно тесно.
Массы в спорте – то прелестно!
Торгашом он стал отныне:
Нет дохода – и унынье...

Спорт – закрытое именье
И неравенства явленье.
Нанимаются «варяги»,
А им что России стяги?
Лишь своё обогащенье,
А России посрамленье:
Нет своих таких же, звёздных,
В выступленьях мощных, грозных.
Потому и на отшибе...
И российской это глыбе?!
Стала дойною коровой,
Хилой, духом не здоровой.
Капитал – как аллигатор,
Как пристрастный сепаратор,
Разделил в одно мгновенье
Всё России населенье —
То на «сливки» – страх богатых,
И на нищих масс заклятых,
То есть «сыворотку», тощей
С всех ей благ, одни лишь мощи...
«Но зато у нас в балете
Сласть такая ж, как в конфете!» —
Оптя гордо заявила,
Улыбнувшись премило.
– Но в искусстве много бреда.
Кто страну за бакс лишь предал,
Всё и вся лишил дотаций,
Выгнал по миру скитаться
И обрёк на выживанье,

На разруху-отставанье,
Тот палач и для искусства.
Перестроечное буйство,
То бишь строя низложение,
Коммунизма в прах сожженье,
Оплевало человечность,
Кою чтит свято вечность,
И во всё, взъярясь, внедрило
Беспардоннейшее рыло
Капитал-примитивизма,
Плесень – дух идиотизма,
Удалив чисты понятия,
Что есть прелесть, люди-братья.
И искусства нет лученья.
Масс взбодрить чтоб увлечение
Новым, им на ум влетело
Да являть нагое тело
На экране и странице,
И на сцене! Пусть в тупицы
Превращаются все массы,
Чем взовьют доходность кассы
От показа секса, крови,
Их мычанье чтоб коровье
Ублажало капиталы.
Прелесть сгрызли, как шакалы,
Насаждают мир разбоя,
Полового визга-воя,
И безвкусицы отвратной,
Беспардонности стократной,

Всё во имя разобщенья,
Мракобесья насажденья.
Все идейные микробы
Капитала – низкой пробы.
Цель одна: убить духовность
И порядочность, и скромность,
Лишь нажива злым приёмом —
Кражей, подкупом иль ломом.
Потому и иностранцы
Поприбрали СМИ все в ранцы,
Чтоб убить страну идейно,
Оплетая слух елейно...
...Транспорт тут остановился,
И изящно, будто киса,
Оптя вышла, «Вуе!» сказавши,
И в перчаточки из замши
Ручки всунула прелестно,
И походкою чудесной,
Отработанной недавно,
Заструилась шагом плавно,
Да на шпилечках высоких,
Да под взорами премногих,
Экстра вон явив картину,
Поплыла вся к лимузину,
Ждал её что уж покорно,
Хрустом балуясь «попкорна»...
Тут два молодца плечистых
Из него, в движеньях быстрых —
Будто пробка из бутылки! —

Дверь открыли Опте-милке,
И она, как королева,
Поуселась в авто чрево;
Лимузин, поддавши газу,
Вон рванулся с места сразу!
И чрез N-ное мгновенье
Был в солидном заведении.
Опте делали поклоны
В нём, как будто были клоны, —
Подчинённые с улыбкой!
Золотою сквозь них рыбкой
Проплыла она и в кресло
Усадила чудо-чресла
И с надменно-властным взглядом
Повелела, чтоб с докладом
Вмиг явились замы, главы —
Кто для «стружки», кто для славы...
«Соответствия примерка»
То была... А что ж Неверка?
Та приехала и сходу
К своему пришла заводу.
Не впустили в проходную:
Стену там создав глухую,
Встал ОМОН главой стоглавой,
Вон прикрывшись балаклавой:
– Там, внутри, хозяин Вася
На «ой-ой» проворовался!
Предприятие закрыто.
Крах! – И в душу всем копыто

Строя этого наживы
Так влепило, что чуть живы,
Поплелись вспять работяги,
Как помятые бумаги,
Посогнувшись понуро
И смотря на мир сей хмуро...
А калеки, старикашки,
Пред собой поставив чашки,
В ряд сидели на асфальте:
– Ради боженьки, подайте!
Чтоб прожить ещё денёчек,
Хлебца съев, хотя б кусочек...
Им бросала машинально
Нищета, идя печально...
ВДВ-шники-калеки,
Старичьё, уж без опеки,
Кто лишён за неоплату
Уж жилья, – все, будто к брату,
Чтоб помог, тянули взгляды
И монеткам были рады...
Вкруг сияли транспаранты,
Ах, какие все таланты:
Каждый босс, предприниматель,
Масс – для благ их – наниматель.
И улыбки, и улыбки!..
Масс вот только судьбы зыбки,
Из-за жулика и мота —
Их хозяина, в болото
Нищеты падут нещадно...

«Масс ведь много, ну и ладно!
Не встревожит нас их горе,
ООО впусшим мы вскоре
И начнём всё вновь сначала,
Потому как нам всё мало...»
Шла Неверка по дороге,
Утомились тяжко ноги,
Роскошь – транспорт ведь теперь ей,
Ну и к счастью недоверье...
Тормоза вдруг завизжали
Лимузина Опти-крали...
Он Неверке параллельно
Ехал, видно, не бесцельно,
Ибо Оптя развесёло,
Соловья весной как соло,
Из него защебетала:
– Счастья, радости немало!
Кто имеет их, – в том сила! —
И стремглав вон укатила...

Август 2016 г.

Дева

Рос я мальчиком, всё рос,
Да чесать стал темя,
Ибо жизни встал вопрос:
Не жениться ль время?

Всё выискивал, искал,
Где б найти невесту?
Но итог усилий мал:
Нет им в сердце места.

В море чтоб найти – то крах:
Захлебнуться можно,
Высоко искать в горах —
Лезть по скалам сложно.

Я на небо пялил глаз:
Там найдётся, может,
Ну небесная! Что враз
Поиск подытожит.

Но скрывали облака
Небо голубое,
Их громадность высока...
Снова власть отбоя.

Напролёт искал все дни,
Будоражил ночи:
Неуспехи, будто пни.
Как устал! Нет мочи...

Вдруг дошёл до уха слух:
В космосе есть Дева.
Я, конечно, не лопух:
Вот моя где Ева!

И как тьма открыла мир
Звёзд, планет, созвездий,
Взору я устроил пир,
Он сказал: «Ну съезди!»

Ночка тихая идёт
По просторам нашим,
Звёзды выполнили взлёт,
Стало небо краше...

Восхитительный парад —
Шествие созвездий:
Всё ряды – за рядом ряд,
Звёзды – будто леди.

Глядь, завзнузданный Пегас
Ждёт и бьёт копытом,
Чтоб доставить мигом нас

К звёздам неоткрытым!

Высекает искры он,
Звездопад создавши,
Чем меняет неба тон,
Взоры ластя наши...

Мы в седла вскочили стан,
Дёрнули поводья!
За верстою вновь верста
Вмиг за нами, вроде,

Но космических всё длин,
Метр здесь не в почёте.
Подвязался к нам Дельфин:
«Цель коль есть, – придёте!

Надо лишь идти вперёд
Через все преграды,
Через глубь, не только вброд,
Будут дел парады!»

Пробкой кверху из воды
Вылетал он резво,
В ней оставивши следы!
Радостно и трезво,

Долго-долго рядом мчал,
Восхищая взгляды,

Будто мы – ему причал...
Обоюдно рады!

Он счастливого пути
Пожелал нам мило:
«Чтобы Деву вам найти!
Век чтоб счастье было!»

К цели скорость высока:
Мы стремглав летели!
Шпоры изредка – в бока,
Ран и нет на теле.

Мчит нас жизненный закон,
Чтоб найти мне Деву,
Слышал, ту томит Дракон
Во угоду чреву.

Охраняют всё её
Пёс Большой и Малый,
Это то ещё зверьё!
В злобе всяк удалый.

Нам помог бы Геркулес,
Малый он отличный,
Но ушёл намедни в лес,
Подвиг там привычный

Ради славы совершить,

Вновь пойти куда-то,
И надежда наша – нить:
Прочность слабовата.

Геркулес забыл свой щит —
Так спешил за славой!
Правда, без он знаменит,
Враг хоть при оравой...

Впереди нас океан,
Кит плывёт огромный,
Он своим величием пьян,
Рот разинул тёмный,

Хочет разом проглотить:
Служит у Дракона —
Но Пегаса диво-прыть!
Вот и без препона

Океан он пролетел!
Кит остался с носом.
Наш Пегас крылат и смел,
Пользуется спросом.

Потому мы на спине
Держимся за гриву,
Мчим, как в сказке или в сне
И даёмся диву!

Вдруг мы видим: страшный Лев
И Тельца, и Овна
Придавил, на них насев,
Съесть желая, словно...

Так и есть. Но наш Пегас,
Смирный всё дотолё,
Как лягнёт! Да прямо в глаз,
Тот и взвыл от боли

И умчался, вон скуля
И дрожа от страха...
Жертвы видят – voilà! —
Сгнула их плаха...

Жив всю домашний скот,
Радость он хозяйства,
И прибавку уж даёт
Сверх и нет зазнайства.

Их отменно Волопас
По траве приятной
День и ночь с кнутом всё пас,
От судьбы превратной

Уж и сам теперь берёт,
Уж не спал в работе,
Не жалея больше ног,
В трудовом был поте.

Вдаль летим... Вдруг слышим: «Штраф
Вам за превышение
Чёткой скорости!» – Жираф
Шею тянет в рвенье

И квитанцию суёт:
«Нате! Оплатите». —
Положение не мёд...
ДПС здесь в прыти!

Караулит всё в кустах,
Близнецы по духу,
И хватают быстрых птах,
Штраф дав – оплеуху.

Прицепились: номеров
У Пегаса нету,
Прав – у нас: «Ну будь здоров!
Вас всех враз к ответу».

Штраф – то стойло для Коня,
Нам – с него слезайте!
Слезли, случай сей браня,
Слезли, как с кровати.

Как теперь пешком идти?
Видим: Конь там Малый...
На него! И вновь в пути.

Конь лишь обветшалый:

Обогнал его аж Рак,
Двигая клешнями...
Ах, домчать нам к Деве как?
Ох, не знаем сами...

Слезли, каждый пеше брёл,
Вон кляня судьбину...
Вдруг спустился к нам Орёл
И подставил спину:

«Ну, искатели, садись,
Вмиг домчу до Девы!»
Враз уселись, взмыли ввысь!
С радости напевы

Вон слетали с наших губ,
Ведь летели лихо,
Надорвав с того аж пуп,
Пели ведь не тихо!

Есть же радость у сердец:
Кончится, мол, мука.
Смотрим мы: а в нас Стрелец
Целится из лука!

Ну мы совестим его:
Мол, плохое дело,

Будьте так добры, сего
Не извольте... Спело

Вмиг созрела совесть враз:
Вдаль во все копыта
Он умчал, покинув нас!
Оживели мы-то!

Кстати, «мы» – моя то тень,
К ней и я персоной.
Век со мной, коль солнце, день,
При Луне же полной,

Всё она, как мой двойник,
Больше – как соратник,
Без неё бы я поник,
Был б в пути не ратник.

Всё-то делает, как я,
Чётко и синхронно,
Молча, вечно не коря,
Коль ошибок тонна.

Тянем вместе жизни груз,
Путь идёт хоть криво...
По душе мне с ней союз.
Вечно не строптива.

С ней сильнее во много раз,

Верная опора.
Нет неправды выкрутас,
Помощь дарит споро!

Вот и здесь мы, средь светил,
С целью мчим одною,
Чтоб найти, кто мне так мил,
Всласть назвав женою.

Ну лечу, весь с думой сей,
Приближая дали...
Нагоняет вдруг Персей!
На ногах сандали,

Да все с крыльями они,
Мчат нас очумелей!
Говорим Орлу: «Гони!
Что плетёшься еле?»

В направленьи нашем мчит
Этот тип, знать, к Деве,
Тож влюблённый, как мой, вид,
Весь в любви посева.

Нас – летунчик! – обогнал,
Далеко мы сзади...
Заяц вдруг пред ним удал,
Шуточки что ль ради,

Путь его и пересёк
Лёгкими скачками!
Стоп! – в момент Персей усёк:
Дальше путь – уж сами...

Заяц в космосе для всех,
На Земле, что кошка:
Пробежит пред, и успех
В крахе весь: подножка!

Хорошо Персей что был
Очень суеверен,
Прекратил полёта пыл...
Так тебе-то, мерин!

«Зайчик! Взвей свой аппетит,
Вот тебе морковка!»
У него счастливый вид:
Уплетает ловко!

И косит: ещё, мол, дай!
Есть морковку вкусно...
«Хороша ещё еда,
Пахнет коль капустно...»

Нет в наличье качана,
Нет и кочерыжки...
Вновь морковка вручена:
Хороши излишки!

Мчим и видим: у Орла
Уж вовсю одышка...
Ну плохи, видать, дела,
Цели будет крышка...

И пришлось с него нам слезть...
«Транспорт где попутный,
Поддержал мою чтоб честь,
Был бы не беспутный?»

Смотрим с тенью мы вокруг,
Крутим головами:
Кто спасёт от тяжких мук?
Взор уж со слезами...

Видим, вдаль идёт-бредёт
С чем-то Змееносец...
«А не надо ль, мил-народ,
Змей? – его вопросец. —

Голова Змеи вот, Хвост...
Будут по дешёвке!»
Уговоров строит мост,
Может, в том уловки?

Мы отпрянули: «Нет, пас!
Нет! Нет! Нет! Не надо!
Отвращение для нас

Ядовитость гада...»

Вдаль ускорили прочь шаг:
Бр-р! Торгаш опасный...
«Не приблизься! Вот кулак!»
Поотстал. Знать, ясно.

Час другого не милей:
Вдруг Медведиц стая,
Мельче – Малая, а с ней
Рядышком – Большая.

Знамо, было, взял испуг —
Свойственно народам —
Жди от них кровавых мук,
Сделают уродом.

И прощай тогда, мечта,
Не увижу крали...
Но ни эта и ни та
Нападать не стали,

Ни одна не поведёт
Носом и ушами,
Уплетают с жаром мёд,
Черпая Ковшами!

«Аппетита в этом вам!»
Сами боком-боком

Всё по звёздным по лесам
Вмиг в краю далёком!

То позволила Дыра,
Чёрная до жути,
Ей домчать нас – ерунда,
То есть вмиг, по сути!

Вылетаем из неё,
Слышим тон раздора:
«Нет красивее её!
Все признают скоро».

«Красота-то есть, ума
Не видать чего-то.
Что придумала сама:
Встать ли, вишь, охота,

Где-то, выбрав шумный путь:
На, смотри, проезжий!
Восхититься не забудь,
Уж всегда, не реже...» —

Возмущался то Цефей,
Муж Кассиопеи.
Та на линии своей:
«Ведь не крах Помпеи!»

Так вела всё довод свой,

Корчилась словами,
Что вставала головой
Вниз. И вверх ногами!

Андромеда, дочка их,
Впрямь, среди обочин,
Вызывающ вид и лих,
Честью, знать, не прочен...

Выставляет телеса,
Вся одежда – мини,
Напоказ все чудеса
Соблазнения линий...

Где-то видел я уже,
Было отторжение
Всей души до мандраже,
Не моё то рвенье.

Дева мне нужна чиста
Телом и душою,
К ней с любовью неспроста
Я спешу большою!

Потому мой твёрдый шаг
Андромеды мимо...
Ах, спешу я к Деве как,
Аж до слёз, любимой!

Андромеда тянет мне
Чашу: «На, попей-ка!
Я ведь сладкая вполне...»
Вьётся, будто змейка...

Тень вступилась за меня:
Враз её и скрыла,
Та, её в сердцах кляня,
Аж шипит немило...

Достаёт весы – узнать,
Взвесить к Деве чувства
Чтоб мои... Их веса кладь
Тянет вниз! Тут буйства

Я отверженной не зрел:
Вдаль шагал уж с тенью,
Пред препонами став смел,
С бодростью, не с ленью.

Повстречался средь дорог
Нам Возничий как-то,
Он от горя занемог —
От поломки акта

У повозки колеса,
А запаски нету...
Мрачен он – не чудеса,
И не рад привету...

Он не чинит, а Секстант,
С ним же Треугольник
Изучает – в том талант,
В нём умён, как школьник.

С ними он хотел узнать
Суть в пути поломки,
И считал всё: «Пятью пять...
ТЬфу! Ну и мороки...»

Он стремил Секстант на ось,
Азимут найти бы
Поточней, не на авось:
Слыл в подсчётах глыбой.

В Треугольнике он два
Лишь открыл угла-то,
Не воспев с того едва:
«Два! Ах, многовато...»

«Ах, могуч как разум мой,
Да в открытках бравый:
Угол, пан что как, – «прямой»,
Тот – «кривой», корявый».

Колесо ему надеть
Помогли мы дружно:
А чека всего-то ведь

Выпала и нужно

Лишь опять её воткнуть,
Колесо надевши,
И пускайся снова в путь,
Даже мчи, как леший!

Ну за то он нам поклон
Отдал разлюбезно
И, луча со всех сторон,
Отбыл вдаль помпезно!

«Если что, то подвезу,
Мне попутно коли!»
Счастья выжал он слезу,
Ну одну, не боле...

С тенью мы опять в пути...
Как найти – нам пытка,
Деву надо ведь найти!
Ящерица прытко

Прибежала вдруг к ногам,
Я схватил моментом!
«Ой! Сейчас я хвост отдам...
Тела элементом

Он Природою мне дан
Для красы и прыти.-

Ну и слёз из глаз фонтан... —
Службой не хотите

Чтоб обрадовала вас,
К Деве путь наметя,
Я бегу туда как раз?
Там мои ведь дети».

К ней бечёвку привязал,
Не сбежала чтобы,
Хитрый зверь, на вид хоть мал,
Юркость – экстра пробы!

Так дошли мы до реки
С ветерком попутным.
Перебраться не с руки
По потокам мутным.

Страшно... Здесь ведь Фаэтон
Утонул мгновенно,
Показав лихой всем тон,
Скрыла вмиг волн пена...

Имя было Эридан
Той реки, как знаю,
Роком сей препон нам дан,
Стой, страшись, мол, с краю...

Встал, затылок всё чесал:

Как же перебраться?
Утону ведь, хоть удал...
Ворон вдруг нам: «Братцы!

Мигом вас перенесу,
Коли воронёнка
Вы отыщите в лесу,
Всё искал... бесёнка!»

Ну нашли его мы враз:
Прятался от порки,
Он ведь мастер был проказ!
Глаз-то мой сверхзоркий.

Тих, сидел он под кустом
И застыл, как студень,
Вон прикрывшись листом...
Вот и поиск труден.

Через Реку перенёс
Ворон нас поспешно!
Вдаль направили мы кросс,
Как гепард, ну, спешно!

Ждёт меня там чудный приз
В виде Девы милой,
Коль найду, мне скажут «Бис!»
И спешу вновь с силой!

На пути нам Малый Лев
Встал, куснуть грозитя,
Нагло злобой осмелев,
Мол, страшитесь, лица!

Он во взрослого играл,
Был хоть только лвьёнок,
Потому и ростом мал,
Слабеньких силёнок.

Цыкнул я, взмахнув рукой,
В коей хворостина,
Мигом лвьёнок впал в покой,
Нос склоня до тына...

Знамо, я не Геркулес,
Подвиг сотворил же!
Лвьёнок, струся, вмиг исчез,
Нос повеся ниже...

Вдаль спешу, с усилья взмок,
Цель-то ведь заветна!
На лугу, глядь, Козерог
Смотрит так приветно...

«Ну давайте помогу,
Оседлайте спину,
Нудно стало на лугу...
Мира бы картину

Мне увидеть, хоть глазком:
Есть же чудо-страны!
Вмиг домчу одним броском
Вас на пир ваш званый!»

Взлезли мы. Понёсся вскачь
Козерог рогатый!
И всё прыгает, как мяч,
Радостью объятый...

Сто парсеков мигом он
Пролетел стрелою —
Вот как в скачке был силён,
Даль скрыв за собою!

Вдруг нам путь своим хвостом
Мышь загородила:
«Вы домчите уж потом,
А теперь я мило

Вас прошу помочь в беде:
Вызволить мышонка,
Он томится в горе где
И пищит презвонко...»

«Он превредный ведь грызун
Сельского хозяйства.
Нет в нас жалости, знай, струн,

Не поможем. Баста!

«Не едим мы здесь зерна,
Крошки лишь кометы,
И душа-то не скверна,
Доброта – сверх сметы.

Придавила, ох, дуга
Крошку мышеловки...
Не поднять мне – так туга,
Сил нет и сноровки...»

«Ну, коль крошки лишь комет...»
Вмиг он стал на воле
И свободе шлёт привет:
«В зло не влипну боле!»

Козерог нас вдаль вновь мчит,
Лишь летят парсеки!
Наш счастливый, ждущий вид,
Встрече рад навеки!

Знать, отменный, Козерог,
Был твой в жизни скотник!
Вдруг огромный, будто стог,
Орион-охотник

Вышел с луком из кустов,
Держит на прицеле

Козерога, уж готов
Сделать дырку в теле...

Но подпрыгнет вдруг как вверх:
Испугался Мыши!
На стопу залезла... Смех!
Брань летит звёзд выше!..

Он и выронил свой лук...
Тетиву та Мышка
Перегрызла враз! Каюк
Луку, значит, крышка.

Мышь же в Чёрную Дыру
Канула вмиг с писком,
След простыл, нет на миру,
Быть в Дыре – без риска.

Был повержен Орион,
Всех животных кара,
С злости вслед в Дыру и он
Канул, чтоб дать жару

Мыши той за сей конфуз...
Мы же прежним курсом
Мчались с гиком! Я как туз:
Не водил и усом...

Но чем дальше, тем в душе

Силилась тревога:
Кой-то срок в пути уже?
Миг. А это много,

В расставанье чтобы быть.
Усмиришь ли страсти?!
Мчи меня быстрее, прыть,
Через зло, напасти!

Дай увидеть мне скорей
Ту, стремлюсь к которой,
К ненаглядночке моей,
Встречу жду с которой!

У тревоги есть ответ
В признаках реальных:
Стал мрачнее белый свет,
Звёзд не видно дальних...

Попадалось зверьё
С норовом сверхзлобным...
Знать, Дракон своё жильё
Сделал местом лобным.

Вон огромный Скорпион
Целит хвост свой с жалом,
Верный страж драконий он,
За него в бой – с жаром!

Целит свой огромный рог,
Звёзды рвя копытом,
Туша-зверь Единорог,
Быть чтоб всем убитым.

Гидра рвать всех на куски
Силится кроваво,
Коль не так, – умрёт с тоски.
Злоба – Гидры право.

Сверху бросится и Рысь,
Разорвать чтоб горло,
Ей не скажешь: «Киска, брысь!
Что ты зло попёрла?»

Мрачен стан, суров, зловещ
Этого Дракона...
Страх впивается, как клещ.
Всё здесь незаконно.

День и ночь дымит здесь Печь:
Станет всё, всё прахом,
Мысль молчит, молчит и речь,
Всё убито страхом...

Как всё с Девою связать,
Светлой, лучезарной,
Коли злобы вокруг лишь тать,
Мир здесь весь коварный...

Лишь осталось найти
Деву, чудо-сказку.
Все прошёл сюда пути...
Сдёрну с горя маску!

Мой метался страстный взор,
Всё увидеть рыскал
Милой прелести узор!
Но вдали нет, близко...

Может, изверг загубил
Дивное создание?
Может, уж среди могил,
Блеф – моё старанье?

Всё прелестное бежит
Вон отсюда в дали,
Горемычный всех здесь вид,
Все, как тени, стали...

На вопросы все молчат,
Озираясь с страхом...
Все дрожат, дрожат подряд,
Взгляд отводят махом...

Может, ту уж мне спросить
Ветхую старушку,
Что не кажет жизни прыть,

Звук не друг уж ушку

И в глазах которой темь,
Видит лишь руками...
Вся согнулася совсем,
В дружбе всё с клюками...

С головы седая прядь
Свесилася куце...
Цвета кожи не понять,
Хоть умом обуться:

Вся бугрится, как у жаб,
Вслух бормочет что-то...
Отчего? Понять я слаб,
Плакать аж охота...

Тело мелко всё дрожит...
Вздохи, ох, и тяжки!
Поразительнейший вид,
Трудно, знать, бедняжке...

Вся – страдание от мук,
Дух убит весь горем,
Сердца редкий слышен стук,
Слёз разлив – аж морем...

Ноги в землю уж вросли
От печальной позы,

Мысли где-то всё вдали...
Памяти занозы.

Содрогнулся я и сник,
Глядя виновато:
Жизни высох весь родник,
Жить ей маловато...

Не могу ничем помочь,
Лишь просить прощенья,
Ведь судьба её, что ночь,
Бремя униженья...

Вдруг взглянула так она,
Я ей дорог будто,
Будто страстно влюблена!
Отвернулась круто...

Вновь вся съёжилась в комок,
Вновь смотрясь отвратно...
Миг тот – жизни огонёк,
Сгинул безвозвратно...

Боль не вынес я... Ушёл,
Ведь с другой здесь целью,
Что помочь не смог, был зол!
Видит взор мой келью,

Перед ней сидит старик,

Скульптор всем – по виду,
Мой вопрос к нему приник:
«Не несу обиду,

А скажи, мил-человек,
Девы где чертоги,
Я ищу который век,
Поистёр вон ноги?»

Он к скульптуре подошёл,
Сдёрнул покрывало...
Встал от чуда я, как кол,
Потрясён немало

Той чарующей красой
В мраморе девичьей,
Что вспылал вмиг, как шальной,
К ней любовью личной!

Вот желанная моя!
Руки к ней невольно
Протянул, огнём горя,
Жжёт он – мне не больно...

Все пропорции верны,
Плавность чудных линий...
О создание! В жизнь верни.
В сна ль я паутине?

Взор её и чист, и прям,
Милая улыбка...
Обольщению не упрям,
К ней стремлюсь в нём прытко!

Чувств не смог я обуздать,
Обнял страстно ножки...
Грациозна милой стать,
Звёзды как, – серёжки.

«А сама-то где, сама?!
Укажи обитель!
Я по ней схожу с ума,
Страсти я воитель!»

«Это всё, – звучит ответ, —
Что лишь и осталось,
Видишь что. Такой уж нет.
Эка миру жалость!

Как горда она была,
Не покорна воле,
Не подвластна игу зла
И немилрой доле,

Что готовил ей Дракон
С жаждой завладенья
Этим чудом! Испокон
Было в том стремленье.

Уж молила смерть она,
Чтоб пришла с косою —
Так решительность сильна
В битве с силой злою!

Так и было бы, но вдруг —
Вновь не с злом ли стычка? —
Слышит тихий в дверь к ней стук...
То была Лисичка.

До чего ж смышлёный ум
В голове носила,
Был уловок вечный бум!
В хитрости вся сила.

«Можно горюшка избечь!
Сделать ли согласна? —
Слышит Дева лисью речь, —
Хоть то и опасно...

Хватит духа у тебя,
Чтоб пойти на это,
Чудо-жизнь вон погубя?
Будет жизнь ведь спета.

Я для этого вручу
Заговора зелье,
Будет то удар хрычу,

Горькое похмелье...

Но лишишься ты красы
И безумной стати.
Быть обратной – не проси,
Будет уж некстати.

Но зато Дракона ты
Отобьёшь навеки,
Хоть завянешь, как цветы,
Хлестанут что стеки!

То душе страшней, чем яд:
Вечное мученье,
На тебя презренный взгляд,
Всем ты – отвращенье...»

И ей зелье подаёт.
Дева то рукою
Вмиг берёт и пьёт, как мёд,
Хочет уж покоя.

И краса завяла вмиг,
Стала враз старухой,
Горб к спине тяжёл приник...
И Дракон уж мухой

Нет, не кружится над ней,
Как над угощением...

Нет и глаз его огней.
Дева превращеньем

Замела свой жизни след,
Он для зла потерян —
Ищет уйму долгих лет,
Всё ж безумству верен,

Да не может всё найти,
Хоть пролётом рядом...
Скрылись к Деве так пути.
Так и надо гадам!»

Скульптор грустно тут умолк,
Опечалая очи...
— Не войду, старик, я в толк:
Речь странна и очень.

Хочешь этим ты сказать,
Дева — та старуха,
Что минутами я пять
Ране встретил? Ухо

Слышать это не берёт,
Не приемлет разум...
Аль от Девы отворот
Ты даёшь мне сразу?

— Это правда вся без лжи.

Любишь коль, узнаешь.
А узнаешь, покажи
Преданности залежь.

Любишь коль, не отвернись
И прими страданье,
Не катися в чувствах вниз,
Взвей любви пыланье!

В жизни ценится краса,
Но душа не мене,
Та спадёт, как и роса,
Эта – клад, именье...

Этой речью я убит...
Трудно как поверить!
Стал растерянным мой вид:
Дева – страх теперь ведь...

Может, это страшный сон,
Дикая издёвка,
Здесь – язвительный фасон,
Обмануть чтоб ловко?

Машинально я пошёл,
Мрачен, вспять, обратно,
Где старуху хорошо
Видел. Жизнь превратна!

Я замедлил шаг, иду,
Тих и ошарашен,
Весь в безумнейшем бреду:
Встречи миг так страшен!

Сердце бьётся, птица как,
Вдруг зажата в клетке...
Нет, не красный вижу мак —
Красоты объедки...

Встал безмолвно, чуть дыша,
Что сказать, не знаю...
В горе смертном вся душа
И безумства с краю...

Вон отнялся мой язык,
Ум и мысль в разлухе...
И тут впал невольно в крик!
И припал к старухе,

Разревелся вмиг навзрыд,
Затряслися плечи...
Странный мы являли вид.
Но вдруг стало легче,

То ль страдание излил,
То ли свыкся с горем,
Вдруг прощаясь с тем, кто мил...
С выводом поспорим!

Две слезы я обронил,
Вон убит потерей,
На бесценность, кто мне мил,
Страстно взгляд свой вперя!

Растеклись они по ней...
И о диво! Чудо!
Я смотрю сильней, сильней...
Нет, не вижу блуда:

Кожа стала на глазах
Падать штукатуркой
Вон с неё... И радость, ах!
Встала и фигуркой

Восхитила снова мир,
А меня тем паче!
Ненаглядный мой кумир!
Оба – в сладком плаче...

Рук желаннейший союз
И любви мёд-взоры!
Полилися песни муз...
Страсти разговоры!..

«Я тебя признала враз
По глазам чудесным,
Ты заметен меж всех масс,

Духом был небесным!

Но боялась причинить
Боль я видом гнусным,
Отвращенья видеть прыть,
Сделать с горя грустным...»

Льётся чистым ручейком
Сладость воркованья,
Будто вечно с ней знаком...
Ах, любви признание!

Ты великий чувств полёт,
Глаз, души сиянье,
Всё любимое ведь мёд,
Чудо ввек – лобзанье!

Мы воркуем... Но вдруг тень
Смрадно нас накрыла,
Враз померк счастливый день,
Смотрит жуть немило...

То Дракон, узревши нас,
Налетел вдруг смерчем
И пустился в дикий пляс:
«Крах всем вашим встречам!

Захотели обмануть,
Дураком оставить?

Прегражу побегу путь,
Всех всеильней я ведь!

Дева станет лишь моей,
А тебя – на клочья!
Нет меня ни в чём сильней!»
«Не свободы ль дочь я?!

Клеть засилья мне тесна,
Не приемлю ига,
Жизнь – когда в душе весна
И любви сласть мига!»

Воспылала Девы речь...
«Да! Бежим отсюда, —
Я воззвал, – Долой зло с плеч!
Не еды мы блюдо...»

Взявшись за руки, бежим
Вон из зверя стана...
«Слуги верные, держи
Их!» – Как смерч бурана,

Те явились и вдогон
Бешено уж мчатся!
Гидра то и Скорпион,
В злобе Рысь – не цаца,

Лев клыки стремится на нас,

Гончих Псов мчит стая!
«Эх, вот кстати бы Пегас! —
Тешит мысль шальная, —

Да он, видно, где Парнас,
Тешит травкой брюхо...
Быстрый он, он нас бы спас!
Знать, не внемлет ухо...»

Уж стихает наша прыть,
Вот-вот-вот догонят...
Надо темп бы нам взвинтить!
Ведь близка погоня...

Тут заметили комет
Целую колонну...
«Эй, кометы, наш привет! —
Поддаём мощь стону... —

Захватить нас не могли б?
Путь наш автостопом...»
«Залезай!» – На спины глыб
Взобрались вмиг скопом.

Только ветра слышен свист!
Сзади след хвостатый...
Душ оазис наш вновь чист:
«Что, догнал, проклятый?!»

Ну давай, комета, жми,
Прибавляй-ка скорость!
Унеси нас прочь от тьмы,
Не гаси душ бодрость!

«Э! Э! Э! Да ты куда?
Мчишь ты вбок куда-то...
Нам совсем ведь не туда!» —
К ней мы громковато

Поспешили взвить вопрос.
«Это притяженье
Искривляет путь вразнос
Звёздного скопления...» —

Слышим тут же мы ответ.
Торможу ногою —
Искр вовсю летит букет!
Звери мчат гурьбою!

Вот-вот-вот нагонят уж,
Слышно их дыханье...
Наших жаждут тел и душ.
Смерти вокруг порханье...

Видим Лебеда полёт
В нужном направлении...
Автостоп мой вновь зовёт
Сделать одолженье

И попутно подвести:
– Помоги, родимый!
– Ну садитесь! По пути,
Хоть необозримый...

Птицы мощные крыла
Убыстряют взмахи!
Хороши у нас дела:
Родились в рубахе!

Слышим Лиры дивный звук...
Это Вероника,
Волоса собравши в пук,
И в сиянье лика

Песнь чарующе поёт,
Пальцы нежат струны...
То услада всем, что мёд,
Слышать – честь фортуны.

Но пока мы песни сласть
Всей душой внимали,
Вновь зверья мы видим пасть
Рядом, вновь в опале...

Вероника пук волос
Вдруг и распушила,
Будто частый лес пророс!

И зверью немило:

Вмиг запутались в них,
Будто в паутине...
Бег их напрочь с визгом стих
И не стал в помине.

Мы спасительнице «Бис!»
Крикнули и «Браво!»
Нам она – что милый приз,
Ей признаний – лава.

Далеко ушли вперёд,
Ближе к цели – к дому.
Но пред нами вдруг встаёт
Орион, истому

Что не вызвал видом в нас:
Он зверей губитель.
Лебедь в страхе в перепляс
Вмиг вошёл, поймите...

Как шарахнется он прочь!
Мы с него слетели:
Усидеть ведь так невмочь.
Нет движенья к цели...

Мы упали в океан
Пребольшой межзвёздный,

Брызг в галактики фонтан!
Вид у нас серьёзный:

Как его нам переплыть?
Расстоянье – глыба.
Но плывёт всюду к нам прыть
Южная, глядь, Рыба:

«Я проблема помогу
За мал-мала плата!» —
Слов она несёт пургу...
Просит многовато,

Был карман мой не дыряв,
Понаскрёб монеток...
В плавники их вмиг приняв,
Хитро нам та этак:

«Остальной на берегу
Мне давай с процентом,
Быстро вас плыву-бегу
И домчать моментом!»

Взгромоздились на хребет...
Та хвостом взбурлила!
Да вот скорости-то нет:
Как в плену у ила...

«Ну давай, давай быстрее!» —

Просим мы хвостату, —
«Не моги я мчать скорей,
Мал твоя дал плату».

Как колёсный теплоход
Ходит вверх течения,
Так её был тихим ход,
Нам давал мученье...

А ей что? Всё песнь поёт,
Радуюсь отраде,
Что-де сделка даст доход,
Плыть и можно ради...

Так распелася, зуда,
Брюхо что Китово
Принесло его сюда
Для сей рыбы лова!

Он разинул страшный рот
Съесть нас с рыбой вместе!
Вмиг на дно как та нырнёт!
И пропала, бестыя...

Мы остались на плаву,
А вокруг лишь волны...
«Помогите! Эй! Ау!»
Видим, ход дав полный,

Взяв важнейшее-точный галс,
Китобоя судно!
Он – Ура! – спасёт вмиг нас
Четверых, не трудно!

Кит, конечно, не дурак,
Вмиг удрал куда-то,
Был хоть злобы он и маг, —
Силы маловато.

Китобой забрал на борт
Четверых всех сразу,
Как хозяин, дал нам торт,
Вкусный, нету сказу!

Мчим вперёд мы! За кормой
Океан в разгуле:
Бьёт он бешено волной
Судно с буйством в пуле!

С бурей он в веках знаком,
Много знал урона...
Волн гигантских языком
Севера Корона

Вмиг слизалась на глазах,
Брошена в пучину!
С горя небо всё в слезах:
Жаль её кончину...

Шли... Швыряло нас! Всё ж порт
Встретил нас гудками!
Все они – как наш эскорт.
Машем всем руками!

С Девой я – рука в руке,
Сходим уж по трапу...
Вдруг на нас мчит тень в пике!
Звук, подобный храпу,

Ощущаем над собой...
Целятся в нас когти!
Злобы то опять прибой —
Сам Дракон из плоти.

Тотчас Деву он схватил,
В небо взмыл вмиг с нею,
В горе я! Спасти нет сил...
Ужас! Я немею...

С потрясения я упал,
Мучает рыданье...
Счастья вмиг погас запал,
Счастья пало зданье...

Но не стал Дракон ей мил,
Сердцу не был в милость.

Лишь созвездье средь светил
Вскоре появилось.

«Дева» – имя у него,
Неба украшенье.
Не забыл я ничего,
Взор к нему стремленье

Мчит, настанет коли ночь,
Любоваться милой...
Не уходят страсти прочь!
Канут лишь с могилой...

Ноябрь 2016 г.

Души

От неведомой планеты
Через звёздный ряд систем,
Что в галактиках есть где-то,
Мчал корабль стремглав затем,

Интеллект найти чтоб, разум,
Жизни буйство и расцвет,
Чтоб душе – отрадой, глазу,
Передать ему привет

И пожать по-братски руки,
Крепко дружески обняв,
Дав ему и взяв науки,
Достижений мощный сплав,

Воспринять душой культуру,
Строй общественный и быт.
Своему был верен туру
Он, Вселенной следопыт.

Изучал в пути он звуки
Всё с надеждой отыскать,
Что послали чьи-то руки,
То ест жизни благодать

Всё же есть ещё на свете,
А не только лишь у них,
На затерянной планете,
Жизни где расцвет сверхлих!

Их сверлили телескопы
Мир Вселенной без границ,
Отыскать чтоб к людям тропы,
Благородство встретить лиц,

Изумиться их Природой,
Изучить животный мир,
Обладать бы и свободой,
Всласть устроив с встречей пир!

Пригласить к себе всех в гости
И зажить одной семьёй,
Вон избежь нападков, злости,
Был б по духу каждый свой,

Развиваться чтоб и дальше,
Счастье, жизнь чтоб продлевать,
Чтобы вокруг всё было краше,
И Вселенная чтоб-мать

Лишь гордилася бы ими,
Что недаром жизнь дала,
Что выросли все неплохими,

Благородные дела

Лишь с отрадой совершая,
С мира тайн завесы сняв,
Чтобы жизнь была иная,
Для неё чтоб больше прав.

Миллионные парсеки
Уж остались позади...
– Неужели мы навеки
Не найдём жизнь впереди?

Может, здесь, планет восьмёрка
Кружит где свой хоровод
Вкруг звезды, увидим зорко
И причалим свой поход?

Вон одна, голубовато
Чьи сияют всё глаза,
Атмосферою объята,
Манит так, чтобы стезя

Наша к ней вон повернула...
Что ж, красotka, жди-ка нас!
Лихо мчим к тебе, не снуло,
Ты чаруешь, без прикрас!

Подлетаем... Что такое?
Диво дивное вокруг!

Любопытству нет покоя.
Эх, незнание – хуже мук!..

Кружат вокруг неё, как роем,
Всё прозрачные тела,
Будто тени, разным строем,
Беспрерывно, как юла...

Гул стоит, почти неслышный,
Суета и толкотня...
Невесомы, тощи, пышны —
Бестелесная родня.

Здесь не видно сортировки
Их по признакам одним.
Вот загвоздка для сноровки:
Для чего всё это им?

Да и что стоит за этим,
Хаос ведь, а смысл какой?
Миллиарды на примете
Их, не ведом им покой.

Все в движенье беспрерывном,
Как диффузия сама...
Все в стремлении надрывном!
Странно, где у них дома?

Все одеты разномерно.

Разных возрастов, полов.
Как фигура с нашей сходна!
Радость наша в том, нет слов!

Только вид сей жизни странный:
Бестелесный, теневой...
Может, внуки обезьяны
Тут резвились головой

И достигли совершенства,
Мы ж – отсталость, не чета?
Вдруг они лишь жизни детство,
Форма жизни вдруг не та?

Как различны все их лица!
Всем друг другу не равны,
Да и всяк быть в том стремится,
Что за типы, чьей страны?

Как их общее название,
Ну, в отличие от всего?
Приступаем мы к познанию
Мира странного сего!

Включена аппаратура,
Тотчас же пришёл ответ:
«Теневая то культура
Человечьих рас всех лет».

Человечество! Собратья!
Мы его увидим плоть
И в его мы будем хате!
Как волненье побороть?!

«А культура теневая —
Души мёртвых то людей.
Тень – живая-неживая,
Тело с ней – одних идей».

Значит, нам людей до встречи
Через тени изучить,
Будут лёгкими вмиг речи —
Не порвётся смысла нить.

Изученье с оболочки
Жизни сей начнём земной,
Смысл – понять без проволочки
Суть её, чтоб за стеной

Непознания не остаться,
Не умчаться б вспять ни с чем,
Не найдя по духу братца,
Не поняв здесь жизнь совсем.

Вот корабль покинут нами,
Мы вот в транспорте своём,
В лёгком, с чуткими рулями —
Я с охраною вдвоём:

Может, души – нам ловушка,
Для пришельцев западня,
Вдруг прихлопнут нас, как мушку,
Страхом нас заледеня!

Ба! Как спутников здесь много
На тропиночках орбит:
Цель своя, своя дорога,
Каждый трудится, корпит...

Знать, планеты притяженье
Ум людской преодолел,
В космос шаг – то достиженье,
Значит, ум и труд здесь смел!

Что такое? Столкновенье
Видим спутника с душой...
Разнесёт в одно мгновенье
Вон её! Но страх большой

Оказался наш напрасен:
Он, пронзив её насквозь,
Был совсем ей неопасен:
Бестелесная, небось!

Покачалась только зыбко,
Затянулася дыра,
И опять лучит улыбка!

Чуду мы кричим «Ура!»

Закричали, видно, громко,
Потому что ребятни
С мест, где уймы душ сторонка,
Видим верх к нам беготни!..

Руки тянут все к нам... Крики!
«Нам подайте что-нибудь!»
Глаз пронзают нас их пики,
Обступили, напрочь путь

Позакрыли нам толпою...
Угощенье дали им.
Просят вновь! И нет отбоя.
Каждый клянъчаньем палим!

Ну, решаем, это худо:
Утолишь ли каждый рот?
Тени то земного люда!
Неприятный оборот

Принимает нападенъе
Этих страждущих детей.
И невольное стремленъе
Прочь умчаться нам скорей!

Да, к тому же, и обидно:
Толку, что они едят?

ЖКТ-то в них не видно!
Угощенья все подряд

Изо рта без остановки
Вылетают в пустоту...
Знать, в них стойкие истоки
Клянчить, всё тянуть ко рту.

Нет, прекрасные созданья,
Ваш не нужен абордаж.
Велико хоть состраданье,
Но включаем мы форсаж

И сквозь них мы пролетаем!
Лишь колышутся они...
Ничего им, душам-стаям,
Нас хоть в том сто раз кляни.

Поколышутся, срastутся,
Примут вновь свой прежний вид,
Вот и все опять не куцы,
Клянчить вновь всяк норовит...

Ну, летим... И вдруг картиной
Оба вмиг потрясены:
Волосаты и с дубиной...
Ах! Отсутствуют штаны —

Путь походкою согбенной

Древний-древний пересёк,
Первобытный, несомненно,
Человек. Ах, как далёк

Он ещё до совершенства,
Но стремится лучше жить.
Человечества то детство.
Вдруг он к нам во всю-то прыть

Мчит и транспорт рушит дико,
Правда, нам всё нипочём.
Слышим дикость злого крика...
Ну и силища при нём!

Вот увидели живую
Ветвь развития людей.
Я со страха чуть пасую:
В узколобии идей

Мало ль жертвам неприятно?!
Транспорт пробует на зуб...
Головой трясёт! Попятно
Вон отпрянул. Ну и груб!

Прорычал и оглянулся
Он на нас: вот что, мол, ждёт
Чрез века его, и бусы
Из зубов поправив, ход

Свой корявый, босоногий,
Прочь от нас вон убыстрил!
Испугался: мы, мол, боги,
Коль летаем все без крыл,

Понагоним, может, кару,
Разорвём вон на куски?!
Тут поддаст он спешке пару —
Страх так взял его в тиски —

И безумными прыжками
Затерялся вмиг вдали!
Стёрли пот со лбов руками:
Испугаться чуть смогли.

Всё в научные талмуды
Записали, как что есть.
Нет познаниям запруды,
В человечестве им честь.

Вновь движенье продолжаем
Через душ всех толчею...
Их базар неподражаем,
Как чайники все в чаю

При помешиванье – в вихре.
Как трудились все в телах,
Здесь их действия не стихли,
Норов их не пал во прах.

Те же действия их были
И поступки, как всегда,
От трудов все, будто в мыле,
Остановки – никогда!

Вон пещерная ватага
Делит мамонта на всех
Равно лишь, ведь всех отвага
Принесла такой успех.

Эти души нам приятны,
Справедливость – их закон,
Не кропит на них всех пятна
Гнусной зависти дракон.

Потому живут все дружно,
Друг у друга ищут блох...
Хорошо, братва! Так нужно.
Первобытный строй не плох:

Всё охота да рыбалка,
Танцы, визги у костра!
Свежий воздух, даже жалко
Спать в пещере до утра...

Вдохновлял тот строй на скалах
Сцены жизни рисовать.
У Истории в анналах —

Ценность это, благодать,

Зарождение искусства,
Интеллект ведь всё вырослел,
Сверх теперь достигнув буйства,
Первый штрих тогда был смел,

Новизною гениален,
Возвеличен человек,
В жизни стал он не печален,
Убыстрив развития бег,

Осознал себя могучим
Средь Природы буйных кущ,
Был он навыкам обучен
В мире, хоть тот страх секущ.

Так бы шло у них всё ладно,
Да однажды – вот лентяй! —
Не пошёл с гурьбой парадно
На охоту... Ай-Ай-Ай!

Вдрызг проспал. Всё веселился
У кострища всю-то ночь!
«Ну влетит!» – с лукавством лиса
Оправданье стал толочь...

А когда пришли с добычей
И не дали ни куска —

Был в законе сей обычай —
Навалилась вдруг тоска...

Заявил во всё он горло,
За успех ему-де честь,
Что удача так припёрла,
Лишь его заслуга есть:

Он просил, ох, и усердно
Дать добычу у богов,
Возвратились чтоб не бедно!
Дальше делать так готов.

Загалдели все: «С богами
Он в контакте напрямик!» —
И лохматыми кудрями
Перед ним всяк поприник...

«Делай это ты и дале,
Стал величьем ты высок».
Преогромный в руки дали
Мяса с радостью кусок.

Ловкачу то и потребно.
Дальше – больше: каждый дань
Нёс ему. Стал жить он хлебно,
Возносивши к небу длань.

Прикрепили и прислугу:

Он с богами милый брат!
Помодней ему подругу
Привели: за труд будь рад!

Появились подхалимы,
Возносили роль его,
Лебезением палимы,
Он удача-де всего!

Пораздудся буйно скоро
Многочисленнейший штат,
Он за счёт других, нет спора,
Жить в довольстве очень рад.

Появилась клика знати,
Величались «господа»,
Им всего всё больше дайте,
Чтоб горой – всегда еда,

Чтобы шкуры – ворохами,
А перечить не моги,
Не по ним что, с потрохами
Вмиг съедят. У них мозги!

Остальные лишь скотинка,
Надо кою погонять.
Перед ними, как былинка,
Все – дрожи, они ведь знать!

Устанавливают цену
И труда всегда объём,
Ох, не любят власти смену,
За неё сгрызут зверьём.

Вон душа того, кто лисом
Всех собратьев обманул
И в верхах навек прописан,
Величанья любит гул.

На его лице ухмылка:
До чего ж, мол, он хитёр
И достиг блаженства пика,
А других подмял и стёр.

Вот и равенства уж нету
Средь сообщества людей,
Прозевали грань все эту,
Добровольно от идей

Отошли того единства,
Что давало жизни сласть,
Породя презренных свинство,
Добровольно дав им власть.

А теперь крепка зацепка
За неё тех и отдать
Не хотят уж, держат крепко,
Ведь она им благодать.

Сколько душ вождей здесь бродит!
Грозны все и всяк спесив,
Вызывают дрожь в народе,
Пир казны их всех бурлив!

Разрисованы все краской,
В перьях, бусах их тела,
Все гляди на них с опаской:
Ведь с богами их дела!

Правда, тёмное их дельце...
Вон душа! То скотовод.
Вот душа и земледельца.
Это тот ещё народ!

Покумекали намедни
Два лохматых в шурах лба
И придумали – не бредни! —
Привязать коз у столба

И тянуть в рот молочишко,
Чем гоняться, их ловить
По кустам, камням, пузишка
Ведь не та уж в беге прыть.

И, поймав по паре ловко
Из скотинок, что вокруг есть,
Одомашнили. Сноровка!

Им «Ура!», развитию честь.

Вот и вам животноводство —
Достижение людей —
Это мяса производство
Дома: режь и ешь, балдей...

То домашнее уж стадо,
Приручил скот ум и труд.
И другим была награда:
Как-то несколько идут,

Колоски несут в ладошках,
Всяких ягод милых сбор,
Корешки... А как дорожка
Вдруг упёрлась в их забор,

Поуселись на пенёчках,
Стали лакомство жевать...
Ядра ягод для зубочков
Твердоваты... Есть их, знать,

Ну совсем ведь не годится,
Поломаешь напрочь зуб,
И летят они, как птица,
Вон с плевком! А он, ох, груб...

Да ещё и вмяли пяткой
В землю: п-шли, мол, с глаз долой!

Ну а те вдруг все украдкой
И взошли! Взросли стеной

Колоски, плоды созрели.
Ах! Под носом урожай,
Не ходить теперь недели
За их сбором. Просто рай!

Тотчас плуг – изобретенье!
Зёрна вон из колосков,
Разбросали их в мгновенье,
И посев их был таков.

И взошла пред носом нива,
Уродилась буйно рожь.
И пекли все хлеб строптиво,
Ароматен был, хорош!

То души труд земледельца,
Вдаль людей отменный шаг,
Это новое их дельце.
А додумались ведь как!

Как же душ здесь этих много!
Изнывают без труда,
Были в нём все от порога,
Да вот смерть взнесла сюда...

К ним прониклись уваженьем,

Стали чутко объезжать,
Ведь они все с умилением
Так любили землю-мать!

Города что все кормила,
Также их, детей своих,
Да судьба секла немило
По горбу да всё под дых...

Обесценен труд их нагло
Знатью, властью с всех сторон,
Все они им в жизни тягло,
Им всегда лишь и урон.

Появились финансисты
И промышленники вдруг,
Буржуа, капиталисты —
Их зловещий, алчный круг,

Для которого нажива —
Цель – за счёт других и вся,
И живут они ввек лживо,
Гонор вон свой вознеся.

Души их плывут преважно,
Наступаючи на всех,
И звучит их речь помпажно.
Но богатства и потех

Нет здесь, в космоса именье,
Только всюду пустота...
А тела взяло их тленье.
Так к чему же маята

По добыче сверхбогатства
На земле их всё была,
Взяли, что ль, сюда их, яства?
Всё впустую их дела,

Хоть была в земную бытность
До безумства велика,
Как вампиров ненасытность,
Загребущая рука.

Души их идут все кучкой,
Всех брезгливо сторонясь,
Брюхо глядя нежно ручкой...
Ба! Барон идёт и князь,

Все им, даже богатеи,
Кажут трепетный поклон...
Иерархии затеи
Неучтивых гонят вон!

Эти общества все пенки,
Коим власть так дорога,
И желанные ступеньки,
На которые нога

Иерархии вершина,
Отрабатывая роль,
Наступает властно, чинно...
Имя ей – то царь, король.

Мол, помазанники божьи,
Каждый выпрен, величав
И на всех-то не похожи,
С бесконтрольностью всех прав.

А внизу ступенек вечный
Из народа половик,
Об него сей клан извечный
Ноги ширкать ввек привык.

Этим типам вечно мало
И богатства, и земель,
Опускают враз забрало,
Войн взбивая вмиг метель!

И расходные солдаты —
Обездоленный народ —
Будто в чём-то виноваты,
Убивают каждый год

У противника таких же,
Как и сами, горемык,
А воитель сливки лижет,

Потому что так привык.

Он за честь грызётся, злато,
За религии отстой,
Чтоб гляделся пребогато,
А противник – под стопой!

За невесту прёт войною,
Чтоб доставить под венец,
Надо власть с ней чередою,
Вишь, продлить, будь он отец.

А захваченных – всех в рабство,
Чтоб в работы повзнуздать,
Им не требуются яства,
Плеть, пинок в них – благодать.

Их не стоит жизнь монетки,
Потому, как мухи мрут,
Радость – скотские объедки,
Тяжелейший, адский труд...

Государства всё взрослеют,
Знать выпячивает грудь,
И хватают вдруг идею —
В дальнем мире хапануть.

И несутся каравеллы
Земли злата открывать,

Там летят в них колья, стрелы,
На борту же пушки. Рать

Зло мушкетная в минуты
Тех, кто был абориген,
И развитьем не обутой,
Убивала, взяв же в плен,

Тотчас земли под корону
Поместивши под свою.
Вот-то радость будет трону
Грабить всё в чужом краю!

Всех заставили молиться
Богу, что принёс разор,
И смиренные чтоб лица
Были всех до вечных пор.

Плыли дальше для захвата
Всё неведомых земель
В позе зверского пирата.
Крови жертв была капель...

Отправлялися богатства
С грабежа в обратный путь,
Ведь с рабами нету братства,
Лишь насилье, злоба, жуть.

Набивалися рабами

Трюмы мрачные битком,
Упивались ромом сами
Все насильники, куском

Мяса лакомясь, а кости
Под надрывный гогот вниз
Вон бросали: жрите, гости!
Да смотри, не подавись...

Многих за борт побросали
Вон – скончавшихся рабов:
«Вам, акулы, эти крали,
Взвейте жуть своих зубов!»

Довозили единицы
Измождённых, сразу – в торг;
Богатеи, как мокрицы,
Набегали, и сей морг

Продавал им для работы
Наподобие людей,
За счёт их чтоб без заботы
Жизнь была бы всё милей.

Их впрягли в одну упряжку
С работягой, крепостным,
Мчат богатых чтобы бражку
Бегом в счастье скоростным!

Вон экзотика величья,
Подвезли чтоб кажет жест,
В нас его презренно тыча,
Мы ж ответствуем: «Нет мест!

Потрудитесь прогуляться,
Опыт есть ходить пешком
В заведение, чудо-цацы,
Можно даже с посошком...» —

И стремглав от них вспорхнули,
Рты разинувших вдогон!
А вокруг жужжит душ улей...
Разношёрстен, древний он.

Тайны душ мы все читаем
Аппаратом «МыслеЛов».
Цель для нас весьма простая,
И в контакт с любым готов

Подключить он нас моментом,
Мысль тому чтоб передать,
Не раскрывши рта при этом,
Достиженье – благодать!

Мы в пространстве безвоздушном
Речь и слышим потому,
Не грешим молчаньем скучным
Перед миром посеуму.

Потому легко, приятно
Нам общаться с миром всем,
Вон стирать незнаний пятна,
В курсе быть различных тем.

Потому читаем души,
Слышим чётко, сказ верней,
Посылая мысль в их уши,
Будто мы одних кровей.

Видим в них мы заблужденье
Пресмыкаться всем богам,
Что без совести зазренья,
Лжи скрывая гнусный срам,

Насадил властью имущих,
Чтоб держать их под пятой,
Не роптать с невзгод насущных,
Ждать смиренно жизни той,

Будет с смертью что блаженно
Тотчас им дана в раю,
Ухмыляясь надменно:
«Ах, как кровь я вашу пью!»

Кто ворчал чуть с недоверьем,
Тот за это был казнён:
Им претит инаковерье —

Было с древних так времён.

Жгли земную гениальность,
Чтоб развитие сдержать,
Не ползли чтоб мысли в крайность,
Церковь, церковь, мол, всем мать,

Призывая всех к смирению,
Сами вокруг творят разбой
Под божественною сенью,
За барыш идя на бой.

Ну, летим так, рассуждая,
Мысли всех читая ведь,
Слышим: радость удалая,
Как бы счастье заиметь!

А хихикает то звонко,
Прицепившись, душа
Разудалого мальчонка,
Мол, поездка хороша!

Он на транспорте мчит «зайцем»,
Уцепившись за борта,
Да с зубовным с смеха кляцем
И улыбкой милой рта!

Налицо то нарушенье.
Безопасность кажет нам

Тормозить в одно мгновение,
И даём по тормозам!

Соскочил он, дал он дёру,
Как зайчишка, поскакал!
Будет нынче разговору,
Похвальбы пред всем накал,

Что, мол, он такой смышлёный,
Аж полмира пролетел,
Хоть полёт и незаконный
Меж всех душ усопших тел!

Погрозили мы вдогонку,
Отчитал и «МыслеЛов».
Жалко. Радость ведь ребёнку...
Счастья был ему улов.

Сами в детстве так, бывало,
Напроказничаем вдруг!
Ну, и, знамо, попадало,
Хоть словесно и без рук...

Я охране замечанье
Сделал, был что не у дел,
Замечанье – наказанье:
Он смутился и зардел...

Пропустил он тумблер в спешке

В положение включить,
Чтоб досталось на «орешки»
Всем, кто вздумает к нам прыть

Вон взвинтить, чтоб прикоснуться,
Хуже – в транспорт вдруг пролезть,
Будет выглядеть вмиг куце.
Проявляй к нам, всякий, честь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.